

РУССКАЯ СПЕЦСЛУЖБА – ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

ФСБ

**РУССКИЙ
007**

Сергей Докской

**ЛИЧНОЕ
ЗАДАНИЕ**

Майор ФСБ Олег Громов

Сергей Донской

Личное задание

«Автор»

Донской С. Г.

Личное задание / С. Г. Донской — «Автор», — (Майор ФСБ
Олег Громов)

Майор Громов зря слов на ветер не бросает. Если обещал выполнить задание – выполнит не колеблясь. Если дал себе слово отомстить бандитскому клану вора в законе Руднева по кличке Итальянец, который рвется к посту губернатора, перешагивая через трупы, то сделает это самым решительным образом. Недаром Громову поручались всегда чрезвычайно опасные и серьезные дела. Однако на этот раз «русский 007» будет действовать по собственному почину, выполнять свое собственное, личное задание. Чтобы в одиночку расправиться с бандой Руднева, майору Громову понадобится все его умение, сила, и желание победить во что бы то ни стало...

© Донской С. Г.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	41
Глава 6	47
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Донской

Личное задание

Война и мужество сделали больше великого, чем любовь к ближнему. Не ваше сострадание, а ваша храбрость спасала до сих пор несчастных. Что хорошо? – спрашиваете вы. Быть храбрым – хорошо. Предоставьте маленьким девочкам говорить, что быть добрым мило и трогательно.

Ф. Ницше. «Так говорил Заратустра»

Сражайся во имя долга, не думая о радости и горе, о потерях и приобретениях, победе и поражении. Поступая так, ты никогда не навлечешь на себя греха.

Бхагавад-Гита. 2, 38

Глава 1

Лиха беда начало

Говорят, господь завершил все дела свои за шесть дней, а в субботу сам почивал и людям то же самое заповедал. Только хитрые божьи создания себе еще и воскресенье урвали, чтобы если уж отдыхать, то по полной программе.

Последним воскресным августовским вечером курганский Дворец спорта «Дружба» вибрировал от возбужденного гудения 8000 человеческих душ, собравшихся насладиться платным мордобоем, преподнесенным в афишах под видом «Международного чемпионата по борьбе без правил». Вниманию почтенной публики предлагались беспощадные поединки между двумя десятками бойцов, разделенных попарно. Их весовые категории и стиль борьбы не имели никакого значения. Противники подбирались по национальному признаку. Таким образом, хохол имел возможность прилюдно начистить морду москалю, если только он был здоровее и опытнее.

Этим миниатюрным национальным конфликтам предстояло произойти на выдавшем виды боксерском ринге. Яркие прожектора уже нацелились на него, приготовившись высветить для любопытных каждую ссадину, каждую кровавую отметину. Со всех сторон помост был отгорожен от зрителей толстой проволокой, натянутой на металлические каркасы. Эту меру предосторожности предприняли на тот случай, если зрителям станет невтерпёж сидеть на местах, когда у них на глазах начнут добывать лежачего. Могли ведь найтись желающие подбежать и добавить. А спорт – это не свадьба, где каждый может дать волю рукам и ногам.

Девиц в несвежих купальниках смелых покровов, которые вышли погарцевать на помосте под бессмертный чемпионский хит группы «Куин», встретили благосклонными посвистами, но проводили всеобщим вздохом облегчения. Оголенные женские ягодицы в данный момент интересовали собравшихся куда меньше мужских бицепсов с трицепсами.

– Приветствуем вас, уважаемые дамы и господа, – взревели мощные динамики, налегая на звонкие и шипящие. – Международный чемпионат объявляется открытым!

Заслышав этот трубный глас, толпа возбужденно загудела, заерзала. Праздник для души начался.

Для затравки на ринг выпустили ярко выраженного запорожца с бритым черепом и висячими кобзарскими усами, наряженного почему-то дзюдоистом. Несколькими звучными оплеухами он сшиб с ног полного пожилого таджика, якобы представляющего школу турон. Укра-

инец, подбадриваемый братьями-славянами, хотел было наподдать противнику еще, но тот проворно уполз за пределы площадки и уткнулся лицом в пол, признавая свое поражение. Публика возмущалась:

– Тю-уу! Вставай, косоглазый!

– Добей его, Тарас Бульба!.. Ур-р-рой!

Запорожец на кровожадные подначки не купился. Выпятил грудь колесом, прошелся по рингу, победоносно рассекая кулаком воздух, и отправился наращивать мышечную массу.

Следующий поединок тоже оказался коротким. Непонятно кто в черной майке и с богатыми наколками на могучих плечах облапил грациозного вьетнамца, согнул в три погибели и принялся методично молотить его носом о свое волосатое колено. Вьетнамец, которого расписной амбал держал за уши, являлся мастером экзотической борьбы тунг-конг-коланг, хотя теперь и сам плохо сознавал это. В паузах между ударами он просто жалобно верещал и пытался отворачиваться, хотя особого смысла в этом уже не было. То, что он пытался уберечь, меньше всего походило на человеческое лицо. Опознать сына на второй минуте поединка не сумела бы и родная азиатская мать.

Когда секунданты кое-как разняли соперников, на арену выпустили вертлявого самбиста-армянина и стокилограммового адепта греко-римской классики. Этот поединок затянулся, потому что чернявый крепыш легко выскальзывал из медвежьих объятий здоровяка, а сам к сближению не стремился. Еще и кусался между делом, раздражая этим аудиторию.

– Гля! Да он хуже Мкртчяна!

– Джигарханян какой выискался!

– Врежь этому лаврушнику, пузатый! Что ты на него смотришь?

– Вали его, вали-и-и!

Зал дрожал от негодующих улюлюканий и молодецких посвистов. Народу хотелось хлеба и зрелищ. Хлеба – легкого, дармового. Зрелищ – пусть платных, но кровавых. Это для них придумали распятия на Голгофе и гладиаторские бои в римском Колизее.

Человек по кличке Итальянец, наблюдавший за реакцией публики, косо улыбнулся... Хотя какой, к чертям собачьим, Итальянец?! Разве шла эта дешевая мафиозная кличка импозантному пятидесятилетнему мужчине с внешностью современного патриция, который вывышался над толпой плебеев в недостижимой ложе с личной гвардией, баром и кондиционером? Одним только своим сходством с бывшим народным любимцем Кашпировским он вызывал мгновенное обожание у женщин и внушал столь же безоговорочное почтение мужчинам. Когда он выступал по телевидению, каждому хотелось верить, что в скором будущем все беды россиян рассосутся, как рубцы от исцеленной язвы. Очень подходящий имидж для человека, сосредоточившего в своих холеных руках все видимые и невидимые бразды правления Курганском.

Всеми уважаемый чеканный римский профиль и мало кому известное темное «итальянское» происхождение являлись двумя главными козырями Александра Сергеевича Руднева на данном этапе его карьеры.

После известных мер по упрочнению вертикали власти, когда Россия была разбита на федеральные округа, над которыми встали верные президенту люди, в Курганской области все пошло наперекосяк. Кому вертикаль с перпендикуляром, а кому крутой угол падения. Первым испытал на себе это бывший губернатор.

Даже уголовные паханы сразу смекнули, что появление в области полномочного представителя президента приведет к большим переменам. Они затаились, присматриваясь к новому «смотрящему». Губернатор продолжал вести себя как ни в чем не бывало. Он ведь не вором в законе себя мнил, а самым настоящим сенатором, поскольку пару раз в месяц вояжировал в Москву, где гулял по кабакам с саунами да заседал в Совете Федерации. Только апломб у него оказался значительно больше, чем реальных денег и власти. Не приглянулся вольноду-

мец президентскому наместнику, а потом вдруг и областная прокуратура против него ополчилась. И получился из губернатора прожженный плут и мошенник, против которого возбудили уголовное дело по фактам незаконной приватизации госимущества. Осиротел Курганск. Один только перепуганный до инфаркта мэр остался. А до выборов нового главы области осталось всего два месяца.

Тут-то и всплыл из темной политической проруби Руднев А.С., первый заместитель опального губернатора. Президентский наместник наградил его ослиной приставкой и.о., дружески приобнял перед фотообъективами и поставил у штурвала: давай, мол, покажи, как лично ты понимаешь вертикаль власти и чем собираешься ее подпирать. Это было почти стопроцентной гарантией победы Руднева на грядущих выборах. Под его контролем находились местная пресса, радио, телевидение – высокий рейтинг был обеспечен. Оставалось лишь оправдать оказанное доверие, чтобы не скосырили раньше времени с губернаторского трона. Доказать своему благодетелю всю выгодность подобного гамбита. Ведь шахматный гамбит, между прочим, есть жертва пешки с целью развития остальных фигур, а в переводе с итальянского термин этот означает «подножка». Размен произошел. По мрачной иронии судьбы главной фигурой, выдвинутой на ключевую позицию в Курганской области, уже почти стал Итальянец.

Черт! Руднев нахмурился. Если уж он сам под страхом смерти запретил приближенным поминать свою прежнюю кличку, то в первую очередь следовало отвыкать от нее самому. Нелегко, конечно, навсегда откреститься от прежнего авторитетного имени, но теперь оно было совершенно некстати. Итальянцы, они пусть строят свои коза ностра на Сицилии или в бесчисленных, как щупальца спрута, телесериалах. Да в дешевых книжонках типа «Конь в пальто», одну из которых однажды подложили на рудневский стол злопыхатели. Там описывался некий курганский мафиози по прозвищу Итальянец, описывался не с лучшей стороны, но довольно правдоподобно, надо признать. Необходимо оградить себя от всяческих грязных намеков. Был Итальянец, да сплыл. А выплыл завтрашний глава областной администрации со всеми причитающимися ему правами и полномочиями. В этой ипостаси он не должен был иметь темного прошлого и подозрительных кличек.

Руднев окинул взором пиршественные столы бандитов, опоясавшие бойцовский ринг. Теперь снизойти к ним из ложи не позволял статус, но зато сверху они смотрелись как на ладони. Хрустели осетровыми хрящами, булькали шампанским, бренчали золотыми ошейниками, скрежетали перстнями о перстни. Все как обычно. Полный контроль над ситуацией. Братва внизу, а он над ней – завтрашний губернатор, который после трудов праведных во имя процветания родного края явился полюбоваться спортивными состязаниями вместе с земляками.

Руднев скользнул взглядом по переполненным трибунам и саркастически искривил губы. Народные массы. Быдло электоратское. Рабочая скотина, на долготерпении и безропотности которой сколочены все финансовые империи и пирамиды. Вот и сейчас львиная доля выручки от продажи билетов, напитков, закусок и прочей всячины незримо оседает в рудневских карманах, не говоря уже о тотализаторе, напрямую подпитывавшем его большую дружную «семью».

Публике действительно было наплевать, куда делись ее кровные денежки. Единственное, о чем жалели зрители, что даже в борьбе без правил не позволено отгрызать носы, выдавливать глаза, отрывать уши и раздавливать мошонки.

Когда псевдотайский боксер отечественной бурятской сборки завел на арене свое гнусавое «гин-нн-нда», плавно водя перед лицом растопыренными пятернями, публика приумолкла, напряженно гадая: прольется ли кровь на этот раз? На первый взгляд, азиатский лежающийся кузнечик не производил грозного впечатления, как и его противник, похожий на начинающего культуриста в обтягивающих плавочках. Но действительность превзошла все ожидания. Ах, какие эффектные удары вдруг обрушились на горе-культуриста! В челюсть! Под ребра! По печени! Слева, справа, с разворота! Кулаком, ребром ладони, пяткой!

– Даваа-аа-ай!.. Вааа-аа-ай!.. Ааа-аа-ай!

Зал взвыл от восторга. Жалобным комариком попискивал микрофон рефери, которого никто не слушал. Братки стеной поднялись из-за столов, не давая секундантам выскочить на ринг. Какой еще аут, в натуре, когда мочиловое в самом разгаре?

Крутнувшись на месте, тайский боксер так шарахнул культуриста ногой по уху, что тот рухнул на колени, оглушенный и беспомощный, в карикатурно лопнувших на заднице плавающих. Оттого, что он мотал головой, пытаясь прийти в себя, брызги крови летели во все стороны, орошая ринг ярко-красными разводами.

– Добе-ее-ей!.. Бе-ее-ей!.. Ее-ей!

Повинуясь окружающему исступлению, Руднев едва удержался, чтобы не вскочить и не присоединить свой голос к общему ликующему хору. Напрасно поскромничал. Это только придало бы его либерально-демократическому образу дополнительные привлекательные черты. Все как один! Народ и мафия едины!

– Ну-уу!.. Уу-уу!..

Блестящий от пота победитель подпрыгнул, забавно передернув ногами в воздухе. Получив удар в висок, культурист опустился на четвереньки. Под его склонённой головой моментально образовалась малиновая лужица. Голый зад празднично сверкал в лучах прожекторов.

Руднев до хруста переплел пальцы рук. Очень хотелось орать, сатанея от собственного крика.

Полтора года назад истошным воплем «забить их, как собак!» он развязал войну против своего заклятого врага Хана и его группировки. Короткая кровопролитная война завершилась полным разгромом Золотой Орды. По завершении междоусобицы Курганск, судя по публикациям в прессе и сводкам телевизионных новостей, смог вздохнуть свободно. Дело было представлено как очередная победа над организованной преступностью. В действительности же победила просто более коррумпированная группировка, после чего рядовые курганцы, конечно, могли дышать свободно, хоть до посинения.

Да только Рудневу было не до них, убогих. Невероятная по размаху криминальная пирамида вознесла его в заоблачные выси, откуда он равнодушно взирал на копошащихся внизу людишек. Насрать было Рудневу на них со своего Олимпа.

Тайский боксер опять подпрыгнул и обеими ногами приземлился на хребет поверженного противника. Тот вскрикнул и растянулся на ринге ничком. Р-раз! – победитель перевернул его лицом вверх, чтобы удобнее было молотить кулаками и локтями. Два! – оседлал соперника. Культурист пытался загораживаться вялыми руками. Перехватывая их по одной, азиат прижал обе к полу коленями, гортанно закричал и вдруг бросил корпус вперед. К этому моменту зрители уже заворуженно притихли, поэтому столкновение лбов прозвучало так отчетливо, что каждый в зале невольно вздрогнул.словно один бильярдный шар врезался в другой, оказавшийся полым внутри и расколовшийся, как скорлупа. Крак!

В следующее мгновение победитель уже расхаживал по арене, вскинув руки в торжествующем жесте. Он упивался овациями и приветственным воем зрителей, а они безнаказанно наслаждались видом безжизненно распростертого тела. Когда его начали укладывать на носилки, тайский боксер рывкнул, как пес, у которого отбирают кость, и бросился к поверженному, успев пнуть бесчувственное тело. Обслуга и секунданты дружно принялись крутить ему руки, но он еще долго вырывался и что-то неистово кричал, нагнетая страсти в зале. Благодарная публика стояла на ушах.

Руднев почувствовал себя таким обессиленным, словно сам только что побывал на ринге. Он хотел было достать платок, чтобы промокнуть испарину на лице, но в этот момент его осторожно тронули за плечо и шепнули:

– Вас, Александр Сергеевич.

– Кто?

– Губерман. Говорит, что дело срочное.

Руднев взял трубку и бросил в нее раздраженно:

– Слушаю.

– Добрый вечер, Александр Сергеевич. Я звоню, чтобы поблагодарить вас за совет. Особенно фирмы «Самсон» действительно будут пользоваться большим спросом. Уже есть первый клиент. Между прочим, иностранец. – Сообщение завершилось заговорщицким смешком.

– Н-да? – Приятное возбуждение вернулось к Рудневу, и он вальяжно забросил ногу за ногу. – Ну вот, а ты сомневался. Лиха беда начало, верно?

– Верно, – откликнулся Губерман. – Лиха беда.

Руднев поморщился. Он терпеть не мог, когда кто-нибудь превратно толковал русские народные поговорки, которыми он увлекся в последнее время с подачи референта, составлявшего для него тексты речей и выступлений.

– Не любишь ты, Боря, великий и могучий, – осуждающе сказал он. – При чем тут беда? Я имею в виду начало, успешно положенное начало. Это образное выражение. Когда дело подойдет к завершению, я скажу: конец – делу венец. Понимаешь?

– Конечно, Александр Сергеевич. Но начало все равно было лихим, таким лихим, что... – Губерман прыснул в трубку.

Руднев отстранил сотовый телефон от уха, словно опасался брызг губерманской слюны, а когда вернул трубку в исходное положение, тон его был сух и официален:

– Завтра утром у меня с докладом. Все. Я очень занят.

Возвратив охране трубку, он устался в зал, пытаясь определить, живого бойца уносят с арены или мертвого. Откинулся разочарованно на спинку кресла. Этот был жив, хотя и здорово покалечен.

Уж чего-чего, а трупов и.о. губернатора за свою карьеру навидался предостаточно.

* * *

Незадолго до этого телефонного разговора новоиспеченному гражданину Израиля господину Кацу, уроженцу Курганска, наведавшемуся с исторической родины на родину малую, показали рыбину, и ему захотелось заплакать.

Отчего в нем прорезалась такая сентиментальность? Это же была не фаршированная мамой щука и даже не бабушкина сельдь под шубой. Самый обычный местный окунь, хоть и здоровенный. Неужели Каца охватила ностальгия по босоному детству, когда он с друзьями-товарищами рыбачил на курганских прудах, именуемых здесь ставками? Нет. Гость города страдал, очень сильно страдал, но вовсе не от острого приступа ностальгии. Тогда, может быть, ему стало жаль задыхающегося окуня, судорожно разевающего губастый рот? Нет. Кацу стало жаль самого себя. А слезы наворачивались на его глаза по той причине, что окружавшие его молодые люди грозились запихнуть головастого окуня ему в задний проход, а потом сделать вид, что так и было.

Рыба гниет с головы, но когда она гниет в закупоренной прямой кишке человека, то и «царь природы» невольно вовлекается в этот процесс разложения.

Кац хотел жить. Окунь – тоже. Изогнув сильное тело и растопырив все свое шипастое оперение, он неожиданно запрыгал на столе, едва не свалившись на пол.

– Живучий какой! – искренне восхитился молодой интеллигентный собеседник Каца. – Ребята его три часа назад у какого-то Ивана-дурака на водку выменяли. – Он отодвинул бунтующего окуня подальше от края стола и пососал пораненный палец, доверительно сообщив при этом: – Колю-у-чий! Потом его ни за что не вытащить... С виду – обтекаемый, скользкий. На самом деле – чешуя, гребень, плавники... Хотите попробовать?

– Не хочу! – истерично взвизгнул Кац.

Под низкими сводами подвала раздался дружный гогот парней спортивного телосложения, которые толпились у двери, с любопытством наблюдая за происходящим. Молодой человек поправил на переносице очки с дымчатыми стеклами и тоже хохотнул беззлобно:

– Вы меня не так поняли. Просто потрогайте это создание. Ну? Смелее!

Кац брезгливо ткнул окуня пальцем, понюхал ноготь и сварливо произнес:

– Дикость! Абсолютная, беспросветная дикость!

– Так мы в дикой стране живем, – покаялся молодой человек. – Отсюда и нравы. Так что не испытывайте судьбу. Соглашайтесь. А?

– Но ваше предложение неприемлемо! – Кац выбрал самые убедительные интонации из всех возможных. – Зачем мне ваш особняк за два с половиной миллиона долларов на берегу какого-то вонючего ставка? Да я во Флориде виллу в два раза дешевле найду! Такую, чтобы до меня в ней проживала сама Синди Кроуфорд.

– Только не надо мне заливать тут про Синди Кроуфорд! – Молодой человек внезапно окрысился, сделался грубым и неприязненным. – Лично я ее терпеть не могу.

– Как скажете. – Кац примирительно развел в стороны открытые ладони.

Молодой человек хмыкнул и подтвердил:

– Вот именно. Как скажу, так и будет. – Он выразительно посмотрел на окуня, а потом на собеседника, как бы примеряя их друг к другу – рыбу и человека.

– Мы договоримся, – быстро сказал Кац, проследивший за его взглядом. – Всегда можно обо всем договориться. Решить вопрос к удовольствию обеих сторон. Я правильно говорю?

Утвердительного ответа он так и не дождался. А это пугало. Не удавалось Кацу воззвать к совести собеседника, к его очевидной интеллигентности. Даже туманные намеки на родственную кровь не срабатывали. Позади молодого человека стояли совсем уж несговорчивые ребята, тогда как за спиной Каца не было никого – ни моссадовцев, ни даже телохранителей, оставленных в целях экономии в далекой Хайфе. Приходилось полагаться лишь на свою изворотливость и дипломатическую смекалку. Кац заискивающе улыбнулся:

– Такие подвалы я раньше видел только в кино про гангстеров. Думал, все это выдумки. Голливудские страсти-мордасти...

Молодой человек скучно посмотрел на него сквозь дымчатые очки и сказал:

– Это не кино. Это жизнь. Настоящая жизнь, настоящая смерть. Окунь вот сдохнуть успел, пока мы беседовали. Но вы же не станете настаивать, чтобы он был непременно живым?

Кац желчно напомнил:

– Я вообще ни на чем не настаиваю в отличие от вас. Мои доводы разумны, а ваши предложения абсурдны. Я отлично знаю рынок недвижимости. К примеру, у нас отдельный двухэтажный дом...

– У нас все иначе, – сухо перебил его собеседник. – Вы не так давно эмигрировали, должны помнить. Все эти утюги, кипятильники, паяльные лампы... Специфика такая, понимаете? Особенности национального бизнеса... Вам предлагается обзавестись особняком на родной земле. Или вы его купите, или ляжете в эту землю сами. И не надо больше торговаться. Я очень дорожу своим временем. – Молодой человек обласкал взглядом циферблат своих золотых часов «Картъе».

Кац почувствовал, что на глаза его снова наворачиваются слезы, и тоном обманутого ребенка напомнил:

– Я приехал покупать металлопрокат, а не особняк!

– Ничего страшного. Одно другому не помеха. Наша фирма занимается самым разнообразным бизнесом.

Да, горько подумал Кац, клиентам, у которых по рыбе в заднице, можно навязать любой товар по самой фантастической цене. Ржавую арматуру, какие-то фантастические особняки, прокисший йогурт, использованные одноразовые шприцы и штопанные гондоны. Все раскупят

и привередничать не станут. Странно, что при таком подходе к делу Россия до сих пор не выбилась в мировые лидеры по экспорту...

А начиналось все так славно – факсограмма с приглашением на подписание сказочно выгодного контракта, торжественная встреча в аэропорту, белоснежный лимузин, шикарный фуршет, красивые тосты, гостиничный люкс с бесплатными девочками. В итоге – мрачные застенки и вежливые угрозы соплеменника, заманившего Каца в коварную ловушку. Вот тебе и АОЗТ «Самсон»! Был такой библейский герой, хотя рэкетом он, кажется, не занимался. Далила обкорнала ему кудри, он растерял свою силу и погиб. А парни, собравшиеся в подвале вокруг несчастного Каца, были все, как на подбор, наголо стриженные. И не Библией они руководствовались, а роскошно изданным фолиантом, на обложке которого изогнулся в виде свастики колесованный человек.

Перехватив взгляд Каца, интеллигентный собеседник многозначительно погладил лаковую обложку книги:

– Интересуетесь? Описание фокуса с рыбой я нашел здесь. Хотите, зачитаю подробно, что и как?

Кац с ненавистью посмотрел на лупоглазого пресноводного обитателя и буркнул:

– Не хочу. Лучше уберите... *это*.

– Неприятное зрелище, верно? – посочувствовал молодой человек. – Но придется вам потерпеть присутствие окуня. Если переговоры затянутся, он должен оказаться, гм, в надлежащем месте. Я уйду, а беседа продолжится завтра. Напрасная боль, напрасные хлопоты. Так что решайте. А про Флориду и Синди Кроуфорд больше не надо. Лучше сразу снимайте штаны.

Вздвогнув, Кац опасливо вцепился в брючный ремень и попросил:

– Не трогайте меня!

– Значит, договорились?

– Договорились, – просипел Кац, думая, что больше никогда в жизни не прикоснется к рыбным блюдам.

– Отлично! – откровенно обрадовался молодой человек, азартно поблескивая стеклышками очков. – Сейчас вас покормят и уложат спать. Утречком займемся перечислением денег за особняк. Связь с Израилем у нас хорошо налажена, как вы могли убедиться. – Он тонко улыбнулся. – Подпишем простенькое соглашение. От господина Каца предоплата. От АОЗТ «Самсон» – дом, построенный по нашему проекту.

– А взглянуть можно? – спросил Кац с нотками неожиданно пробудившегося делового интереса.

– Почему же нельзя? Но контракт я еще не набросал. Привезу завтра.

– Я хочу посмотреть не ваш... контракт. – Кац с трудом пропустил слово «вонючий». – Я желаю увидеть этот... – На язык запросилось еще более хлесткое определение, которое опять пришлось проглотить. – ...этот особняк.

Собеседник пожал плечами.

– Его вы тоже увидите. Но позже. Дело в том, что он пока не построен. Ваши два с половиной миллиона – это всего лишь предоплата. Теперь мы займемся проектированием, составим смету. Через годик сдадим вам объект под ключ.

– Предоплата? За год вперед? – воскликнул Кац, торгашеская натура которого не могла не возмутиться. – Я не желаю покупать кота в мешке!

– А рыбу в жопу желаешь? – мрачно поинтересовался один из представителей молодой гвардии фирмы «Самсон». Был он одет во все черное, как кинематографический злодей, но этот наряд в подвале выглядел как раз очень даже уместным. Парню явно не терпелось реализовать задумку шефа. Его зрачки сузились до размера двух карандашных точек.

Стараясь не смотреть на него, Кац заерзал на своем колченогом стуле и сделал еще одну попытку сократить явные убытки:

– Я заплачу авансом половину. Остальное – потом.

– Знаете, – молодой человек опять поправил очки и скорбно вздохнул, – у меня вот-вот возникнет желание продать вам сразу два особняка.

– Мы так не договаривались, – резонно возразил Кац.

– А если вы хотите, чтобы я соблюдал уговор, то и вы держите слово. Сами же сказали, что мы договорились. Вас кто-нибудь тянул за язык?

– Нет. – Кац постарался вложить в свой короткий ответ как можно больше сарказма. – *За язык меня пока что действительно не тянули.*

– Вот видите! – Молодой человек укоризненно покачал головой. – Следовательно, имеет место обоюдное согласие. Учитывая вашу вредность и несговорчивость, предупреждаю наперед: не вздумайте потом оспаривать сделку, скажем, через Интерпол. У вас в Курганске, насколько нам известно, осталась масса родственников. Не подводите их. Они вам потом во сне станут являться.

– А вам? – Кац на всякий случай съезжился, но храбро закончил фразу: – Вам никто не является?

Он ожидал какой угодно реакции, но только не смеха! Сдержанно похохатывал собеседник, громко ржали парни за его спиной. Только теперь Кац по-настоящему понял, с какой страшной, неумолимой силой он столкнулся. Это темное воинство забавляло одно только предположение, что на свете существуют угрызения совести.

Отсмеявшись, молодой человек иронично склонил голову набок и весело признался:

– Для меня вы и эта дохлая рыба равноценны. Просто два способа достижения одной цели. При этом окунь мертв, а вы живы... Хотите, я прикажу его засолить для вас? На долгую память. Будете смотреть и вспоминать нашу встречу... Нет? Вы не любите рыбу?

– Терпеть не могу! – крикнул Кац, взор которого туманили слезы бессильной обиды и унижения.

Он сказал чистую правду. Рыбу, особенно окуней, он возненавидел на всю оставшуюся жизнь. Если бы не этот роковой визит в город детства, Кац никогда бы не осознал, какие же это мерзкие твари – окуни.

Глава 2

Иди и смотри

Никогда в Курганске не бывало такой адской жары в конце августа. До наступления осени оставалось несколько календарных листков, но лето, похоже, только вошло во вкус.

С каждым днем в городе снижалось потребление водки на мужскую душу населения, а сами эти души проявляли резкий спад всякой активности. В том числе и половой. Удивительное дело, но женщины не протестовали. Секс теряет всякую привлекательность, когда воду из кранов приходится выдавливать по капле, а пот при энергичных телодвижениях, напротив, льется ручьями.

Для потного, разморенного и вялого большинства курганцев, не имеющих возможности выбраться на Лазурный берег или побережье Черного и даже Азовского моря, единственной отрадой оставались искусственные водоемы. В народе их нарекли ставками. Они – краса и гордость Курганска. Они – его слава.

Давно угасли в Курганске плакатные улыбки оптимистичных строителей развитого социализма. Лишь ставки сияют в своей первозданной красе на общем неприглядном городском фоне. Маленькие зеркала, старательно отражающие безразличные к человеческим проблемам небеса.

Имеется в Курганске несколько центральных ставок, прямо посреди жилых бетонных домен и плавящегося на солнце асфальта. Отклеившись от слипшегося в общественном транспорте людского месива, можно окунуться в воду в непосредственной близости от примет цивилизации. С точки зрения уринотерапии, это даже полезно, но все же традиционная медицина не рекомендует плескаться в этих водоемах, наполненных чем-то вроде теплого бациллоемкого бульона. Уж лучше махнуть подальше от городского пекла – на окраину.

Можно приземлиться на берегу безымянного загородного ставка, окаймленного плакучими ивами и суховатыми камышовыми зарослями. В самой широкой его части имеется даже небольшой романтический островок, вокруг которого с ранней весны до поздней осени неустанно бродят голозадые раколовы. И хотя они делают это усердно – днем и ночью, раки в ставке не переводятся. Они тоже ученые – в руки пацанов даются редко и неохотно.

Рыбье племя многочисленнее и разнообразнее рачьего. Поверхность воды на зорьке испещрена кругами от поклевков. А иногда тяжело и шумно всплывает неведомый пресноводный левиафан, потрясая воображение здешних рыболовов. Только и остается им, что языками цокать. Этим генералов рыбьего царства, русалоподобных чудищ с бессмысленными глазами ставок не выдавал никому.

Причудливо изогнутый буквой S, ставок распростерся на три километра, то хвастаясь широтой своей натуры, то обнаруживая некую узость и ограниченность. Но глубина его местами достигала семи метров.

Прибившиеся к берегам окурки, пластиковые пробки, дырявые презервативы и раскисшие тампоны могли заинтересовать разве что безмозглых лягушек, мальков да водомеров, резвящихся на мелководье. Прибрежная мелюзга делала вид, что за пределами ее маленького уютного мирка нет никаких темных глубин. Ведь стоит по легкомыслию сунуться туда, сгинешь навеки.

Уж лучше не забивать себе головы такими неприятными мыслями. Существует множество других, жизненно важных проблем. Просто голова от вечных вопросов пухнет. На сколько лет Филя младше Аллы? Что не даст человечеству окончательно засохнуть, спрайт или фанта? Помогают ли крылышки прокладок воспарить над житейской суетой? И компенсирует ли свежее дириловое дыхание неистребимый запах несвежих носков?

Все это – жизнь. А смерть лучше оставить мертвым.

Оскорбленные всеобщим забвением, молчат они о своих жутких открытиях, сделанных за последней чертой. Словно воды в рот набрали. Те, кто приобрел печальный опыт в вышеописанном ставке, – в буквальном смысле. Иных вынесло на поверхность, прибило к берегу – страшных, раздутых.

Некоторых ставок так и не отпустил.

У зеленого островка, обрывистые берега которого круто уходят в воду, притаился маленький детский скелет, окутанный развевающимися лохмотьями плоти. Бесплатная кормушка для раков. Символ взаимной любви двуногих и членистоногих.

То, что было когда-то светловолосым двенадцатилетним мальчуганом, искало не рачьей взаимности, а богатого улова. Это маленькое существо, завидовавшее подвигам старших пацанов, приплыло сюда в одиночку. Глубоко-глубоко, там, где во мраке ощущались ледяные родниковые струи, детская рука отыскала соблазнительно широкую нору и юркнула в нее. Почти сразу пальцы нащупали узнаваемый наконечник сведенных воедино клешней попятившегося назад рака – матерого и здорового.

Рука мальчика азартно тянулась за добычей. Рак, как водится, отступал все дальше и дальше. А когда пятерня решительно протиснулась в сплетение подводных корней, увлекая туда руку по самое плечо, у маленького охотника не осталось ни воздуха в легких, ни силенок освободиться самостоятельно. Он протестующе закричал, оповещая мир о своей беде. Но мир не заметил бурления пузырей на поверхности, а если и заметил, то не перевернулся. Не на части же ему разрываться из-за каждого утонувшего мальчугана, который, закупорив громадного рака в коварном гроте, превратился в назидательный памятник человеческой жадности.

Другой подобный монумент был водружен под водой на небольшом пьедестале из шлакоблока, намертво увязшем в черном иле. Волосы той, кого звали Зинкой, были мягки, шелковисты, пушисты. Тем, кто задевал их босыми ногами, казалось, что это просто водоросли. И никто не знал, что внутри девушки торчит нераскупоренная бутылка шампанского, которое никто никогда не выпьет за праздничным столом в честь двадцать третьего дня ее рождения.

Девушку утопили в нескольких метрах от стихийно возникшего пляжа, на противоположном от дачного поселка берегу. С тех пор, как здесь была установлена импровизированная вышка – ржавая горка, украденная с детской площадки, – каждому хотелось бултыхнуться с нее в воду. Подростки ныряли часами, до полного изнеможения и тошноты. Некоторые из них, врезаясь в толщу воды, едва не целовали подпорченное рыбами лицо утопленницы. У нее, правда, не было губ, чтобы ответить на нечаянный поцелуй, зато зубы прекрасно сохранились. А разбухшие руки выжидательно расprostерлись в глубине, готовые обнять визитера, прижать к груди и не отпустить наверх, где звучит веселый смех и светит солнце. Однажды у утопленницы это должно получиться. Как только внутри ее поселится кто-то более могущественный, чем вздорные червячки-паучки...

Остальные тайны ставка были не такими впечатляющими. Кое-какое оружие, от которого кое-кому потребовалось избавиться. Ножовка, неумело расчленившая чье-то постылое тело. Украденный в сельпо сейф, в котором не оказалось ничего, кроме скучной документации. Пара велосипедов. Коляска благополучно выросшего младенца. Ведра. Крючки. Грузила.

Основное сосредоточие металлолома образовалось у высокой насыпи, по которой тянулась грунтовая дорога в дачный поселок. Это было самое глубокое место ставка, потому что когда-то здесь зиял заброшенный котлован. Смелчаки, заплывавшие в эти мертвые холодные воды, немного пугались, натываясь на неожиданное препятствие, но вскоре убеждались, что под ними всего лишь гладкая цистерна бездарно утопленного бензовоза. Протрезвев, водитель заявил в милицию об угоне, и «ЗИЛ», наполненный горючим, до сих пор числился в розыске.

Ставок правду знал, но молчал. И с надеждой прислушивался к каждому всплеску, будоражащему его поверхность. Почему-то он был убежден, что это необычайно знойное лето будет весьма богатым на улов.

* * *

Чудная история приключилась на берегу ставка с Ванькой Богословским, когда он выпил, не закусил и впал на солнцепеке в прострацию с уже ненужной удочкой в руках.

На рассвете в воскресенье он притопал из своей деревушки к ставку, переправился на схороненной в камышах плоскодонке на островок и уселся на своей любимой проплешине на крутом бережку. Он полагал, что место это заколдованное, поскольку без улова не уходил отсюда еще ни разу.

Прошлым летом сгинул без вести его единственный белобрысый сынишка, отправившийся за раками. Ванька потом весь ставок раз десять обошел, голос сорвал, тоскливым криком глотку надсаживая, а остров вообще на карачках исползал. Не нашелся мальчонка, как в воду канул. Утоп, давно догадывался Ванька, хотя людям никогда не признавался в этом. Он и к рыбалке пристрастился, чтобы реже смотреть им в глаза.

Тяжело было ему жить с таким страшным знанием, почти неумогу. И без жены, которая зачахла в одночасье, тяжело. Дочь Варенька уже взрослая совсем стала – в университете училась. Лето она, правда, старалась с отцом проводить, но осень, зиму и весну надо было в одиночку как-то перетоптаться.

Лишь на островке, пригорюнившись с удочкой, Ванька понемногу оттаивал сердцем. Ощущалось тут смутно присутствие маленькой родной души, незримо обитавшей где-то совсем рядом. Камыш зашуршит, а Ваньке чудится детский шепот. Стрекоза на шею присядет – как вроде кто-то пальчиками прикоснулся.

Ставок забрал сынишку, в этом Ванька почти не сомневался. А взамен открыл местечко, где клев с утра до вечера, словно рыбу кто-то сюда специально приваживает. Много раз Ванька порывался понырять под обрывчиком, да духу не хватало. Вот и сидел на бережке со своей удочкой, неподвижный, словно могильный камень.

Появился улов – не переводилась с той поры и водочка, к которой Ванька пристрастился не меньше, чем к рыбалке. В полдень он, как обычно, вынес полное ведро на шоссе, чтобы продать за сколько придется. Городские парни, притормозившие рядом, богатый улов ссыпали на обочину, а выбрали одного только большущего красноперого окуня. Зато дали за него целую литровую бутылку иностранной водки, чистой как слеза. Как тут не выпить? Дивясь странным покупателям, Ванька прихватил снасти и вернулся на островок – вроде как рыбалить, хотя уже знал, что напьется, крепко напьется. Хлебнет из горлышка горькую и забормочет, уткнувшись пустым взглядом в воду: эх, сынок, сынок... Опять хлебнет и опять забормочет. Вот и вся пьянка.

А дальше все пошло не так, как всегда. Не развалился Ванька на травке, не захрапел. Просто, просидев несколько часов кряду на самом солнцепеке, сделался вдруг вялым и каким-то помертвевшим, хотя окружающее воспринималось как раз непривычно ярко и живо. Солнце голову напекло? Он с трудом поднял чугунную голову к небу, прищурился и, прежде чем в глазах померкло от невыносимо яркого света, успел отметить про себя схожесть солнечного диска с сияющим ликом, склонившимся над ним.

Потом под сомкнутыми веками в багряной тьме поплыли оранжевые круги, замельтешили зеленые козявки. И незнакомый голос вдруг забубнил на ухо что-то про сборище сатанинское, про десятидневную скорбь и всякие напасти. Не было сил даже помотать головой, отгоняя это наваждение. Приходилось слушать, как будто радио в голове включили.

– Побеждающему дам белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает. И власть дам ему над язычниками. И будет пасти их палкою железной...

Тембр и заунывные интонации этого голоса чем-то напоминали звучание похоронного оркестра с его надрывно фальшивящими трубами. Таким грозным и скорбным был голос, что Ванька, боясь свихнуться от тоски, все же сумел разомкнуть отяжелевшие веки. Никого перед ним, конечно, не оказалось, лишь стеклянная гладь воды бесстрастно отражала перевернутый вверх дном мир.

– Э! – нерешительно воскликнул Ванька. – Кто здесь шуткует?

– *Иди и смотри!* – строго велел голос.

– Куда идти-то?

– *Сиди, тебе сказано. Просто сиди и смотри.*

– А, тогда ладно.

Преодолевая обморочную слабость, Ванька устремил взор на дамбу, по которой проходила грунтовая дорога от шоссе к дачному поселку. Там было пока пусто, но чудилось, что к ней приближаются невидимые всадники.

Нет, как вскоре выяснилось, это был не глухой топот конских копыт. На дамбу, хрустя гравием и фырча моторами, неспешно въезжали один за другим три автомобиля, направлявшиеся в сторону поселка.

Первой шла, норовисто покачивая массивным крупом, красная иномарка с олимпийскими колечками на сверкающем радиаторе. Сквозь открытое окно можно было рассмотреть рыжеватого спортивного парня, держащего перед собой зачехленный карабин с таким удачным видом, словно это был меч в ножнах. Его крупная фигура заслоняла водителя, но Ванька догадывался, что второй седок ни в чем не уступает первому: такой же здоровый, самодовольный и наглый. Когда из-под машины с резким хлопком вылетел камушек, Ванька невольно втянул голову в плечи, решив, что началась пальба. Пока, слава богу, обошлось, но оружие ведь с собой возят, чтобы стрелять.

Едва не касаясь бампером кормы алой иномарки, следом полз тупорылый вороной джип. Правивший им человек тоже ехал с опущенными стеклами. Он прижимал плечом к уху трубку с антеннкой и раздраженно орал в нее на всю округу:

– Громче!.. Что?... Какая, на хрен, пшеница? Я тебе про ячмень толкую – тысяча тонн на колесах!..

Ванька сразу опознал в крикуне нового обитателя дачного поселка, купившего здесь недавно сразу два участка и затеявшего грандиозное строительство. С завтрашнего дня и Ванька будет там работать, чтобы Вареньке хотя бы на новое платьишко денег наскрести. И теперь он приглядывался к будущему хозяину с опаской. Сразу видно, что мужик этот из числа тех, кого принято называть... круглыми? Нет. Может, крупными? Опять промашка... Ванька поднапрягся и вспомнил: крутыми их зовут, вот. Понятное дело, что этот, в джипе, тысячами тонн зерна ворочает. Морда – о-го-го какая здоровенная. Такому бугаю зерна много требуется, будь то пшеница или ячмень.

Проводив взглядом черный джип, Ванька переключил внимание на последнюю машину, следовавшую поодаль. Она, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, была не то чтобы белой, а бледной, как... лицо покойника в гробу. Сравнение, невольно всплывшее в Ванькином мозгу, заставило его невольно поежиться. Чтобы прогнать глупые мысли, он попытался разглядеть седока светлого автомобиля, но взгляд его наткнулся на непроницаемо-темные стекла. Складывалось впечатление, что внутри вообще никого нет, а «жигуль» катит сам по себе, куда фары глядят.

Когда кавалькада разномастных автомобилей миновала дамбу и скрылась из виду, Ванька с изумлением обнаружил, что его колотит противная мелкая дрожь, похожая на озноб. На

солнце напозла невесть откуда взявшаяся туча, а усиливающиеся порывы ветра уже всю теребили камыши и пускали серебристую рябь по воде, заставляя перышко поплавок раскачиваться в обманчивой пляске. Вместо того чтобы бестолково дергать удочку, Ванька истово приложился к бутылке и засобиравшись восояси. Он сдерживал себя, но все равно излишне суетился и спешил. Точно убегал от близкой опасности.

Когда через полчаса он, переправившись на «большую землю», неуверенно брел в сторону шоссе, за которым лежала его деревенька, неожиданно грянула гроза. Только что ветер выворачивал тополиную листву наизнанку, гоня по дороге сломанные ветки и пыль, а через мгновение на иссохшую до трещин землю обрушился белый ливень – непроглядный, как туман. Гремело, сверкало, шумело. Гроза пришлась очень кстати, загасив огонь, расплывшийся по жухлой траве островка вокруг брошенного Ванькой окурка. Всего-то и успели жадные языки пламени оставить мертвую проплешину на берегу да облизать до черноты листья деревца, под которым было так славно дремать в тенечке между утренними и вечерними зорьками.

А Ванька... Непонятно почему, убравшись со ставка и опустошив бутылку еще засветло, попал он домой лишь поздней ночью, когда в небе повисла полная луна, окрашенная в жутковатый кровавый цвет.

– Опять? Ну сколько можно, папа? – с укором воскликнула Варенька, спеша к нему через двор, – вся такая светленькая, чистая, легкая.

– Я самую малость принял, дочура, – повинился Ванька, спеша укрыться в летней кухне. Он шагал по двору, оскальзываясь и спотыкаясь – земля вокруг была усыпана незрелыми яблоками, сорванными пронесшимся шквалом. Отовсюду тянуло острым ароматом влажной пыли.

– Здоровье-то у тебя не железное! – не отставала Варенька. – Совсем себя не бережешь! Пропадешь ведь!

«А я уже пропал», – тоскливо подумал Ванька.

– Ты иди в дом, дочура, – попросил он. – Завтра мне на работу, проспаться нужно.

– Ужинать будешь?

– Да нет, я так...

Варя остановилась и кивнула, как бы соглашаясь. На самом деле она подозревала, что у отца на кухне припрятана заправка, до которой ему не терпится добраться. Выждав минут пять, она решительно двинулась следом.

Хлипкий дверной крюк поддался ее яростному напору с первого раза. Ворвавшись в освещенную комнатку, девушка с удивлением наткнулась на довольно осмысленный взгляд отца. Он лежал на топчане, а руки его были чинно сложены на груди, поверх распахнутого томика Нового Завета. После исчезновения младшего братишки Варя пристрастилась к чтению святой книги, надеясь отыскать в ней ответ на свой немой укор всевышнему. Отец же даже газетными анекдотами не шибко увлекался, не говоря уже о Евангелии. Было совершенно непонятно, зачем понадобился ему черный томик с тисненым крестом на обложке.

– Ты что, папа? – обеспокоилась девушка. – Случилось чего?

Вместо ответа он возвел глаза к бугристому глиняному потолку и продекламировал с отсутствующим видом человека, вызубрившего наизусть совершенно непонятное ему стихотворение:

– Из дыма вышел человек... И ад следовал за ним... И сказано ему было...

– Ка... какой еще человек? – Варя показало, что она задыхается.

Ванька ее шелестящий шепот не услышал. Продолжал монотонно талдычить:

– ...И сказано ему было, чтобы не делал вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву... Власть же ему была – вредить саранче пять дней...

– Допился? – с отчаянием выкрикнула Варя. – До чертиков допился, да? – В этот момент она очень походила на свою покойную мать.

Ванька ничего дочери не ответил. Закрыв глаза и мгновенно уснул, как будто умер. Лицо его казалось незнакомым, осунувшимся и чужим.

Осторожно забрав из отцовых рук Евангелие, Варя пошла в дом, уселась возле настольной лампы и зашуршала страницами. Очень похожие слова про ад и саранчу нашлись почти в самом конце. Только в Откровении все оказалось наоборот: гигантские кузнечики были посланы вредить людям. Вслед за ними должен был появиться огнедышащий дракон, а уж потом – зверь, подобный барсу, с медвежьими лапами и львиной пастью. Или сначала все же этот кошмарный зверюга?

От волнения она не могла как следует вникнуть в набранный бисерными буквами текст и, отложив книгу, неожиданно для себя перекрестилась. Кажется, во второй или в третий раз за свою жизнь.

– Свят-свят-свят...

Глава 3

Число зверя – один

Понедельник, как всякая житейская неприятность, подкрался незаметно.

По будням в дачном поселке даже летом бывало не слишком многолюдно. Многие попросту сачковали, отдыхая где-нибудь в лесу или на море. А ответственные владельцы участков, наломавшие спины за выходные, разъезжались по своим комфортабельным городским квартирам с телевизорами, телефонами и горячей водой.

Те, кто остался куковать в поселке всю будущую неделю, просыпались новым утром в благостном, умиротворенном настроении, потому что вчерашний неожиданный ливень сэконобил им уйму времени и усилий, ухивших обычно на полив грядок.

А вот черный зверь, привезенный из города в хозяйском джипе, никаких поводов для радости не видел, не слышал и не чуял.

Его звали Рокки. Это был трехгодовалый ротвейлер, мускулистый, массивный, мордастый. Среди прочих соплеменников его выделяли завидные габариты, не просто лоснящаяся, а прямо-таки сверкающая шерсть и ужасно скверный характер, являющийся точной копией хозяйского, только на звериный лад.

У обоих имелись общие любимые развлечения. Так что они жили, дружили, не тужили и было им вдвоем хорошо. Однако прошлым вечером хозяин впервые крепко обидел Рокки, поизмывавшись над ним. Вздумалось хозяину продемонстрировать свою власть над могучим псом двум денщикам-телохранителям. Сперва он до одурения заставлял Рокки то сидеть, то лежать, то подавать голос, и все его команды были пропитаны едкой желчью, алкоголем и табаком. Было очень трудно, почти невозможно переносить этот запах проспиритованного человеческого безумия. Хотелось взвыть, хотелось броситься на издевательски гогочущих хозяйских холуев и вырвать им кадыки, но приходилось униженно ползать на брюхе. Рокки терпел. Долго терпел.

– Видали? – торжествовал хозяин. – Он даже лук жрет, если я приказал. А сейчас я его еще служить заставляю... Ап!

– Клево, шеф, – согласился один из холуев, тщательно пережевывая слова вместе с ветчиной и сыром. – У моего кореша точно такой же кобелюга. Сам черный, как негритос, но умный, спасу нет. Тапочки подносит. Без балды.

– Мой тоже поднесет, – заявил хозяин.

– Не-а. – Второй холуй оценивающе посмотрел на Рокки и недоверчиво покачал головой. – Если не натаскан, то фиг его заставишь. Упрямый он у вас, шеф, не в обиду вам будет сказано. И вроде как заторможенный, нет?

– Ты сам заторможенный, как экономическая реформа... Рокки!

Тут все и началось. С непонятного псу слова «тпчк» – хлесткого, как удар поводка. Укоризненный собачий взгляд не действовал. Хозяин повторял свое заклинание все настойчивее, а потом принялся тыкать Рокки мордой в два съемных следа своих потных ног: *тпчк-тпчк-тпчк!*

Ловить их надо было, что ли? Или охранять? Или поужинать ими? Рокки маялся. Хозяин, подзадориваемый обидными похохатываниями своих холуев, распалялся все сильнее, требуя с настойчивостью заевшей пластинки:

– Тапочек подай, тварь безмозглая! Тапочек!

Обеими руками он вцепился в уши ротвейлера, выкручивая их с пьяной жестокостью.

– Вау! – Рокки пошире расставил лапы и напрягнулся, сопротивляясь нажиму.

Убедившись, что теперь пригнуть собачью башку к полу невозможно, хозяин изо всех сил пнул его под ребра и злобно выругался, прогоняя прочь. Рокки с недоверчивой внимательностью заглянул в его мутные глаза: неужели?

– Вон! – подтвердил окрик. – Пшел вон, болван!

Вмиг скиснув, Рокки понуро поплелся во двор, забился под хозяйский джип и стал ждать, когда его позовут обратно, чтобы извиниться. Но про него забыли. Возились наверху, гомонили, орал в три зычные глотки: «Тага-а-а-анка!», пугая притихший в ночи поселок. Потом все уснули, а Рокки остался в гордом одиночестве, голодный и злой.

Из открытых настежь окон дома в душную влажную тьму струились отвратительные запахи, один другого хуже. Рокки негодуяще крутил носом, когда до его ноздрей доносились все новые и новые оттенки вони: кислый пот... подгнившие зубы... давно не мытые задницы. Еще никогда пес не ощущал несовершенство людей так болезненно, так остро. И никогда прежде он не относился к хозяину просто как к одному из представителей человеческого племени.

– Ах-х-х...

Рокки собрал кожу на лбу в скорбную гармошку и поудобнее уложил морду на вытянутых вперед лапах. Стоило ему сомкнуть глаза, как он тут же просыпался, вздрагивая так, словно ему снова и снова кричали на ухо требовательное: «Тпчк!» Пришлось отказаться от надежды забыться в дреме. Тяжело вздыхая, Рокки уставился в темноту, переваривая обиду и вынашивая планы мести. Не хозяину – это было бы чересчур. Окружающий мир – вот против кого была направлена глухая злоба черного зверя, слившегося с непроглядным мраком.

Эта злоба, от которой сводило челюсти, к рассвету разрослась до размеров тучи, окутавшей собачий мозг. И предрассветная мгла казалась естественным продолжением этой тучи.

Когда на небе всплыло солнце, Рокки все так же неподвижно лежал на брюхе, с виду не более опасный, чем куча угля. Но он внимательно, очень внимательно следил за узкой улочкой, тянувшейся мимо хозяйских владений. Он знал, что по утрам там часто спуют люди, несущие в ведрах восхитительно свежую воду. Рокки судорожно сглотнул набежавшую слюну. Ему никто не догадался принести хотя бы миску воды, не говоря уже о еде.

Ага! Вдали раздались неспешные уверенные шаги, заставив собачьи уши настороженно встрепенуться. Рокки безошибочно угадал, что по улочке идет мужчина, и, завидев его, приподнял голову. Ворота, пропустившие вчера во двор обе машины, так и остались распахнутыми настежь, что позволяло добраться до раннего прохожего в несколько прыжков. И все же эти прыжки не были сделаны. Прислушавшись к голосу благоразумия, Рокки остался на месте.

Мужчина в джинсах, шагавший по направлению к водопою, беспечно помахивая на ходу ведром, принадлежал к той редкой человеческой породе, против которой Рокки всегда ощущал себя жалким щенком. Подобные мужчины возникали в пределах его досягаемости раз или два в жизни. Они не излучали ни одной из знакомых собакам эмоций, ни агрессии, ни робости, ни доброты, ни жестокости. Они просто существовали. Непостижимые, как пустота, и такие же недостижимые. Рокки понятия не имел, что скрывается за этой пустотой, но не стремился узнать. Он даже скосил глаза в сторону, чтобы человек, проходя мимо, не почувствовал на себе его взгляд и не обратил на него внимания.

Оправдывая свою внезапную робость, Рокки вспомнил, что пускать зубы в ход против людей без хозяйской команды строго-настрого воспрещено. Да! Пусть хозяина не всегда получается любить. Но слушаться его необходимо. Даже если он распространяет вокруг себя волны безумия, дышит ядом и бьет. *Тпчк!*

Негодуяще чихнув, Рокки отворил чемоданообразную пасть и часто задышал, роняя с языка горечь обиды. Это помогло лишь отчасти. Он предпочел бы сорвать гнев на шкуре какой-нибудь шелудивой шавки, опрометчиво забредшей в его владения. Кошек Рокки не трогал, опасаясь лишиться глаз. А вот всякая собачья мелюзга, готовая при его приближении бряк-

нуться на землю, подставляя брюхо в знак капитуляции, его вполне бы устроила. Подставленное брюхо – это хорошо. Оно такое мягкое и податливое!

Постанывая от нетерпения, Рокки подобрал лапы так, чтобы можно было мгновенно выскочить из засады. Чужие собаки не являлись табу. Если Рокки выпускал из них дух, хозяин кричал на него при посторонних и даже притворно стегал поводком, но они оба знали цену этому наказанию. Просто еще одна традиционная забава. Разорвав чужую шавку, следовало лишь притвориться виноватым, подыгрывая хозяину, изображавшему праведный гнев.

И черный зверь по кличке Рокки с нетерпением дожидался, когда ему доведется поиграть в любимую игру снова.

* * *

«Оп-ля, – вкрадчиво произнес узкоглазый бритоголовый человек, оседлавший маленькую лохматую лошадку. – Оп-ляааа!» В руке он сжимал длинное кривое копье, на острие которого была насажена чья-то знакомая голова. Чья именно? Сообразить это мешал леденящий ужас. А бритоголовый, наслаждаясь оцепенением зрительницы, завертелся вместе со своей лошадкой волчком, тоненько повизгивая все громче, громче, громче...

Семилетняя Эллочка проснулась, с облегчением узнавая привычный будничный мир, приветствовавший ее призывным скулежом Тошки. Просясь на улицу по неотложным утренним делам, пуделек, похожий на миниатюрного белого ягненка, беспрестанно скреб коготками по полу и громко жаловался на нестерпимую тяжесть в маленьком мочевом пузыре.

Девочка посмотрела в окно, чтобы страшный сон поскорее испарился в лучах утреннего солнца. Там все было настоящим, реальным и успокаивающим: резко прорисованные кроны деревьев, яркое небо, выпуклые облака. Теперь можно было заняться Тошкой, который всем своим видом изображал нетерпение. Вздохнув, девочка строго спросила:

– А подождать никак нельзя?

Тошка быстро-быстро завилял куцым хвостиком, напрочь отменяя такое предположение. Пришлось натягивать маечку, шорты, совать ноги в шлепки и тащиться вниз. Когда девочка поставила ногу на первую ступеньку узкой лестницы, мать оторвала растрепанную голову от подушки и ехидно бросила ей вслед:

– Ну как, еще не жалеешь, что завела щенка? Шесть утра, между прочим. Могла бы преспокойно спать...

– Я-то не жалею, – откликнулась Эллочка. – А ты не жалеешь, что завела меня? – Она ехидно передразнила мать: – Шесть утра, между прочим.

Людмила рассмеялась, падая обратно на подушку:

– Но тебя не нужно выгуливать. Я могу валяться в постели хоть целый день.

– Некоторые, – саркастически сказала девочка, спускаясь по лестнице, – некоторые только и думают, как бы поваляться подольше, вместо того чтобы встать и заняться каким-нибудь полезным делом.

– Ах ты, малявка! – с веселым возмущением крикнула мать, но дверь уже успела закрыться за дочерью.

Очутившись на свободе, Тошка пулей метнулся во двор, а Эллочка немного постояла на крылечке. Сад-огород с узенькими тропками казался неприветливо-мокрым, несмотря на поднимавшееся солнце. Очень не хотелось тащиться в дальний конец участка через всю эту сырость, но совсем уже взрослой девочке было негоже моститься под ближайшим кустиком, как какому-то неразумному шестимесячному пудельку. Вздрагивая при каждом соприкосновении голых ног с мокрыми растениями, она направилась к кабинке уборной.

Проводив маленькую хозяйку взглядом, Тошка раскорячился на зябко дрожащих лапках под своей любимой яблоней, стараясь не касаться задком холодной земли. Поднатужился –

кучка. Еще разок – другая. А вот на третьей дело застопорилось. Тревожный спазм желудка втянул заготовленную колбаску обратно. Приподняв уши, Тошка повернулся в том направлении, откуда до него донесся низкий рокочущий рык большого зверя.

Подстегиваемый паническим трепыханием сердечка, Тошка едва не пустился наутек, но тут же почти успокоился. Здоровенный черный черт оказался не таким страшным, каким успело намалевать его воображение. Кого пугает далекая опасность? А рычащий пес находился в соседнем дворе, за ржавой металлической сеткой. Он был слишком легкий, чтобы прошибить изгородь своим мощным корпусом, но слишком тяжел, чтобы перемахнуть через нее прыжком.

Тьфу! Пренебрежительно фыркнув, пуделек демонстративно соорудил на земле третью кучку, отряхнулся, собрался с духом и звонко затыкал, рекомендуя черному чужаку не разевать пасть на чужую территорию.

От возмущения громадный пес захлебнулся слюной. Не отрывая от щенка подернутых кровавым туманом глаз, он молча бросился на сетку. Тошка на всякий случай отпрянул, но, как он и предвидел, черного пса попросту отбросило назад, да еще в придачу оцарапало колючей железной бахромой.

– Съел? Съел? Съел? – торжествовал Тошка.

– Гад! – коротко откликнулся чужак, приглушая звук, чтобы не привлекать внимание лишних свидетелей. Мрачно взглянув на щенка, он неожиданно сорвался с места и припустил прочь, затерявшись вскоре среди кустов крыжовника и смородины.

Обратив забияку в бегство, Тошка изменил тон своего таяканья на победоносно-издевательский. Хозяйка уже шла к нему, и было приятно показать ей свою преданность и отвагу...

Тем временем черный пес по кличке Рокки злорадно осклабился на бегу. Он не стал попусту рычать, лаять и атаковать железную паутину, отделявшую его от нахального комочка мяса и шерсти. Он принял другое решение, и на его клыках уже ощущался вкус чужой крови, а в ушах звенело предсмертное верещание маленького засранца.

Вымахнув на улицу, Рокки неуклюже проехался на лапах, вздымая пыль и камешки, затормозил, повернул налево и поспешил туда, где соседский двор был обнесен оградой лишь наполовину. Перейдя на крадущуюся рысь, он черной тенью скользнул вдоль стены чужого дома и притаился за углом. Голосистый засранец семенил прямо навстречу, ведя за собой такое же хилое, хотя и двуногое существо. Неважная защита для пудельков, нарывающихся на неприятности! Рокки угрожающе пригнул башку к земле и шагнул вперед, обнаруживая свое присутствие. Это был сюрприз, доставивший удовольствие лишь ему одному.

Когда Рокки позволил вырваться наружу яростному хрипу, так долго клекотавшему в глотке, пуделек замер, словно наткнулся на невидимую преграду, и визгливо оповестил хозяйку о наглom вторжении чужака. Затем, с чувством исполненного долга, он метнулся назад, вверяя свою судьбу в руки семилетней девочки.

Чтобы преодолеть три метра, щенку пришлось оттолкнуться от земли несколько раз. Ротвейлер покрыл почти такое же расстояние одним прыжком. Тошка еще только тормозил всеми четырьмя лапками у Элочкиных ног, когда преследователь взвился в воздух вторично, готовясь обрушиться на жертву всеми своими килограммами мышц и влажными от нетерпеливой слюны клыками.

Прыжок Рокки был скомкан возгласом «фу!», по-детски тоненьким, но достаточно громким и повелительным, чтобы обжечь пса подобно удару хлыста. Автоматически перегруппировавшись в полете, Рокки приземлился раньше, чем собирался, едва не кувыркнувшись при этом через голову. Увлекаемый стыдом и инерцией, он промчался мимо девочки, на руках у которой примостился проклятый щенок. Для служебной собаки это была совершенно недостижимая высота.

Обескураженно вывалив розовый язык, черный пес сидел и смотрел, как девочка шествует к своему дому, унося добычу, делавшую вид, что рвется из хозяйских рук в бой. Эти притворные телодвижения сопровождались истеричным лаем.

Вздорная собачонка, смахивающая на белого кудлатого ягненка, ускользала из-под самого носа черного зверя.

Эллочка не оборачивалась. Пять шагов... Восемь... Десять... Немигающий взгляд Рокки, устремленный в спину девочки, уже был готов блудливо ускользнуть в сторону, когда она неловко оступилась и замешкалась у крыльца. Опустив пуделька на верхнюю ступеньку, девочка произнесла слова, которые не следовало говорить в присутствии злопамятного ротвейлера:

– Не бойся, Тошка. Я сейчас. Только тапочек подберу.

Тчик! Невинное словечко прозвучало для Рокки как провокационный вызов. Если вчера он молча снес все издевательства от господина, то это совсем не означало, что то же самое может позволить себе какая-то пигалица с тоненькими ручками, ножками и шейкой. Главная собачья заповедь – «не убий человеческого детеныша» – мгновенно померкла в мозгу ротвейлера под наплывом ярких вчерашних воспоминаний, и он молча бросился на девочку, посмеившую насмеяться над ним.

Это была молниеносная атака, составленная из трех размашистых скачков. Третий, по расчетам Рокки, должен был стать последним – для девочки. Голосистый щенок его уже не интересовал. Взвизвись над землей, Рокки метил лапами в тщедушную грудь обидчицы, а клыками – сразу в ее незащищенное горло.

Но и этот прыжок был прерван в полете! Вместо того, чтобы сбить с ног жертву, Рокки сам рухнул наземь, столкнувшись в воздухе с тяжелым металлическим снарядом, который врезался прямо в собачью башку. Вообще-то это было обычное оцинкованное ведро, наполовину наполненное холодной водой. Хотя ротвейлер воспринял его как карающую десницу, обрушившуюся на него за греховную попытку растерзать человеческого детеныша.

Это сногсшибательное чудо каким-то непостижимым образом сотворил человек, явившийся с улицы следом за Рокки и приближавшийся теперь к нему.

Тот самый, носивший в себе пустоту! Словно порыв ветра тронул черную шерсть Рокки, прижал его уши к голове и толкнул в грудь, заставив попятиться, оседая на подгибающихся задних лапах. Мужчина в джинсах гнал перед собой волну энергии – не злой и не доброй, но от этого особенно мощной.

Девочка с щенком успели улизнуть в дом. Мужчина и громадный черный пес остались во дворе один на один.

Холодный душ вполне остудил бойцовский пыл Рокки, но он все равно ощерился, подчиняясь древнему инстинкту, повелевавшему встречать противника в клыки. Неубедительно рывкнул. Никаких более радикальных решений в его гудящей башке не возникло.

– Пасть – закрой, – спокойно посоветовал мужчина, остановившись рядом.

Взгляд Рокки, помимо его воли, был притянут необычайно светлыми глазами незнакомца. Захотелось заскулить, а еще лучше – завывать, протяжно и тоскливо. Человеческие глаза напоминали дневной свет в сильную стужу. А их выражение... Так отстраненно смотрит зимнее небо на околевающих от холода собак. Свысока. Равнодушно.

Рокки поспешно спрятал клыки и понурил голову. Неумолимая воля, излучаемая этими странными глазами, не позволяла выдерживать их взгляд слишком долго. Страдальчески наморщив широкий лоб, пес ожидал пинка, заранее зная, что не посмеет даже огрызнуться в ответ. Но вместо удара до него долетело миролюбивое:

– Домой иди, вояка.

Почему-то от этого голоса сердце пса сжалось, а вокруг него в груди, наоборот, образовалось очень много горячего пространства. Вот какой повелитель был нужен Рокки с щенячьего возраста. Но собаки не выбирают хозяев. Как люди – своих богов.

И Рокки поспешил к своему личному господину, с каждым скачком освобождаясь от чужой власти, под которую опасался попасть навсегда и бесповоротно.

* * *

Людмила вспомнила о необходимости дышать, только когда внизу хлопнула дверь и зазвучали торопливые шаги по лестнице, сопровождаемые цокотом Тошкиных коготков. Истерика, которую закатил пуделек, подняла женщину и погнала ее к распахнутому окну. Похолодев от ужаса, она успела увидеть, как соседский кобель ринулся на ее дочь, а потом откуда ни возьмись прилетело ведро, оставляя за собой сверкающую водную дугу, и оглушило зверюгу.

– Господи, – обессилено прошептала Людмила, а потом повторила чуть громче: – Господи, боже мой! – Она обняла подбежавшую дочь, прижала ее к себе и опять выглянула в окно, словно опасаясь, что черный пес может попытаться проникнуть в дом.

– Все в порядке, мамочка. Нам не страшен серый волк. – Эллочка высвободилась из удушающих объятий и тоже высунулась наружу.

Ротвейлер уже исчез. Прогнавший его незнакомец в линялых джинсах и синей рубашке поднял ведро и стоял спиной к дому. И женщина, и девочка одновременно обратили внимание на ширину его плеч, но лишь искушенные возрастом глаза оценили по достоинству также узкие бедра мужчины и его поджарый зад.

– Ты его знаешь, мам? – тихо спросила Эллочка. – Он кто?

«Очень бы я хотела знать, кто он такой и откуда взялся», – подумала Людмила, хотя вслух произнесла совсем другое:

– Не знаю. Но даже незнакомому человеку принято говорить «спасибо».

– Ой, и правда! – опомнилась Эллочка.

Она уже приготовилась окликнуть мужчину, но вместо благодарности тому было суждено услышать совсем другие слова:

– Э, ты! Очумел, что ли, к-ка-зел? Знаешь, сколько эта псина стоит, которую ты покалечил? Да за такие бабки десяток уродов вроде тебя в землю закопать можно! Живьем!

Девочка озадаченно захлопнула рот и перегнулась через подоконник, чтобы хорошенько разглядеть опередившего ее грубияна, слегка гнусавящего и растягивающего гласные, как некоторые мальчишки в школе, мечтающие о бандитской карьере.

Последовала ее примеру и Людмила. Касаясь подбородком дочкиных волос, она высмотрела на соседском участке молодого нахала в изумрудном спортивном костюме и огромных грязных кроссовках.

Он был одним из двух телохранителей молодого бизнесмена Максима Мамотина. Зеленый спортивный костюм парня постоянно маячил у Людмилы на виду. Всякий раз, когда она замечала этот костюм, расхаживающий по прилегающему участку, у нее моментально портилось настроение. Нет, верзила не обидел ее ни единым словом и жеребьячьими заигрываниями не докучал. Напротив, он совершенно не замечал соседку и ее маленькую дочку. В подтверждение этого он всегда был готов непринужденно извлечь из штанов внушительный розовый шланг и помочиться у всех на глазах. Плевал он на людей. Клал на всех с прибором и не скрывал этого.

Вчера парень предавался своему любимому занятию особенно часто. В доме Мамотина шумно гуляли и орали песни. Судя по всему, парень тоже не остался в стороне от застолья и теперь испытывал тяжелое похмелье и беспричинную ненависть к окружающему миру. К тому

же за ссадину или шишку на башке хозяйской собаки он рисковал заработать точно такое же украшение.

– Оглох? – заорал парень, обозленный тем, что его слова остались без внимания. – Я к тебе обращаюсь, ур-род! Ты зачем собачку обидел?

На этот раз мужчина в джинсах соизволил повернуться на голос защитника животных. Его четкий профиль приятно удивил Людмилу. На нем, наспех покрытом свежим красноватым загаром, выделялись симпатичные белые лучики, протянувшиеся от уголка глаза к виску. Будто кто-то острыми коготками провел по гладкой поверхности.

Выдержав паузу, мужчина неохотно разнял плотно сжатые губы и коротко бросил, как плюнул:

– Пасть – закрой!

Эту же фразу он недавно адресовал ротвейлеру, но теперь, обращенная к гнусавому гуманисту из соседнего двора, она прозвучала в совершенно иной, неприязненной тональности.

Похоже, похмельный спортсмен даже обрадовался перспективе утренней разминки.

– За пасть ответишь, – пообещал он, гнусава с особым чувством. – За Рокки – тоже. Ур-род!

– Рокки – это кто? – скучно осведомился мужчина. – Кобель твой? А ты, значит, псарь при нем? Почему тогда без поводка и намордника?

– Тебя колышет, почему он без намордника?

– Это как раз меня не колышет. Речь идет не о собаке, а о тебе, – уточнил мужчина, разглядывая собеседника с холодным любопытством.

– Обо мне, значит? Ну-ну!..

Парню явно не понравилось, что его приравнивают к псу, пусть даже к породистому, с солидной родословной. Шумно дыша, он ухватился за ограду и тряхнул ее так яростно, словно намеревался сорвать сетку с бетонных столбов или пробовал на прочность, прежде чем попытаться прорвать ее с разбега. Он не подозревал, что в этот момент в точности копирует тактику Рокки, напоминая его даже выражением физиономии. Убедившись, что преграда перед ним стоит непреодолимая, парень высказался по этому поводу столь витиевато, что обе зрительницы одновременно покраснели. Самым цензурным в этой тираде было предложение отсосать. Заинтригованная Эллочка бросила взгляд на мать, собираясь что-то спросить, но та сделала вид, что целиком поглощена происходящим внизу.

Невозмутимо выслушав оратора, мужчина хмыкнул:

– Бесплатный совет на будущее. Держи на привязи собак. Не распускай язык. Будешь жить долго и счастливо, без вавок в голове.

– Вавок?.. – Выдав новую порцию мата, парень еще раз тряхнул сетку, сплюнул и направился к выходу на улицу, снова повторяя маневр Рокки.

Мужчина досадливо пожал плечами и тоже пошел прочь со двора, но, почувствовав на себе скрещенные взгляды зрительниц, стремительно поднял голову. Эллочка вздрогнула, словно ее окатили ледяной водой, а Людмила, только теперь вспомнив, что она полураздета, прикрыла грудь молитвенно воздетыми руками и отпрянула в глубь комнаты. Ей показалось, что она зарделась от макушки до кончиков пальцев на ногах. Или похолодела? Дивясь своему внезапному смущению, острому, как в давно забытом девичестве, она схватила со спинки кровати футболку и метнулась к противоположному окну, выходящему на улицу.

– Он же его убьет, просто убьет, – пробормотала она, туманя стекло своим участившимся дыханием.

– Кто кого? – деловито поинтересовалась Эллочка, отвоевывая себе место у подоконника для обзора поля боя.

Вместо ответа Людмила рывком рванула на себя створки рамы, разом вспоров много-летний слой бумажных полос и впустив в комнату посторонние звуки вперемишку с легким сквознячком.

Мужчина уже стоял на узкой улочке и задумчиво помахивал ведром, как бы размышляя, стоит ли возвращаться к колонке за свежей водой. На приближающийся липовый «адидаас» зеленого цвета он если и поглядывал, то мельком. Зато парень в спортивном костюме явно требовал самого пристального внимания к своей крупногабаритной персоне. Удостоверившись, что обидчик не убегает, не прячется, а стоит себе, скучает, парень медленно надвигался на него, явно обдумывая: куда врезать противнику в первую очередь? Каждый шаг его кроссовок сопровождался хищным хрустом гравия под подошвами.

– Есть примета: мужчина с пустым ведром – к несчастью, – предостерег его невыразительный голос.

– Баклань, баклань, – разрешил парень. Он был на голову выше и на четверть центнера тяжелее мужчины, а потому мог позволить себе некоторое великодушие.

В унисон вскрикнув, зрительницы увидели, как парень поднял согнутую ногу и с силой распрямил ее, метя противнику в живот. Удар получился мощный и очень эффектный. Восторженно грюкнуло подставленное под него пустое ведро и с тархтением закувыркалось по улице. Провожающий его взглядом парень сильно смахивал на обескураженного футболиста, случайно отправившего мяч далеко за пределы поля. В этот момент мужчина коротко, без замаха, смазал кулаком по его расслабленно отвисшей челюсти. Едва поспевая за получившим ускорение туловищем, ноги парня бойко понесли его в заданном направлении.

Людмила видела такое только по телевизору, когда ее новый муж упивался боксерскими чемпионатами. Кажется, это называлось нокдауном. Боксеры, пропустившие сильный удар в голову, очень похоже семенили по рингу. Налетев на препятствие, они приходили в себя, отталкивались от канатов и возвращались в боевую стойку, готовые дать сдачи.

Ничего подобного у рыжего парня не получилось. Видимо, металлическая сетка оказалась неважной заменой эластичному ограждению ринга. Парень не отпрянул от ограды. Он всем корпусом ударился о нее и, шурша спортивным нарядом, неграциозно сполз вниз, в бурьян. Выбирался он на дорогу тоже некрасиво – на карачках.

– Сидел бы себе тихонечко, – предложил мужчина. – А я за водой. Никак не умоюсь с утра. Сначала собака бешеная, теперь ты.

Опять это нелестное сравнение с псом!

– Умоешься, – пообещал парень, принимая вертикальное положение. – Кровяной!

– Наш победит, – авторитетно заявила Эллочка.

Людмила бросила на дочь быстрый косой взгляд. *Наш?* Маленькая-маленькая, а туда же. Собственнические инстинкты просыпаются в женщинах еще раньше материнских.

Когда она опять перенесла внимание на поле боя, горе-боксер шел на противника, на этот раз умело прикрывая руками лицо и корпус. Людмила не сразу поняла, почему правая рука парня не сжата в кулак, а заканчивается выпяченной ладонью, чем-то напоминая кобру, раздувшую капюшон перед броском. Людмила представила себе, как, сжимаясь на ходу в крепкий большущий кулак, ручища парня метнется вперед и всем весом врежется в голову незнакомца, а голова эта, такая независимая и симпатичная, слетит с плеч долой.

Но нет. Снова с ударом у парня вышла промашка. Его противник гибко качнулся в сторону, замахнулся правой, но ударил левой – очень сильно и хлестко.

Знакомая сцена повторилась – с той лишь разницей, что на этот раз ходячий спортивный снаряд отлетел на другую сторону улицы, где бурьян был еще гуще – настоящие тропические джунгли в миниатюре. Там парень и сгинул, оставив на память о себе лишь треск и шелест. Ненадолго сорные заросли утихомирились, а затем опять пришли в движение, оповещая зрителей, что кто-то в их гуще ворочается, пытаясь сориентироваться в пространстве.

Мужчина в джинсах с ленцой приблизился к зарослям.

– Доволен?

Верхушки бурьяна заколебались. Они не знали правильного ответа. Мужчина слегка нахмурился:

– Может быть, ударить тебя еще разок? С прицелом на будущее, так сказать, м-м?

На этот раз сразу все растения отрицательно мотнулись из стороны в сторону. Парня не устраивало будущее, в котором его будут прицельно лупить по лицу. Наверняка у него имелись какие-то другие, более приятные планы. Мужчина выждал несколько секунд, понимающе кивнул и, подхватив свое многострадальное ведро, удалился ровной походкой.

Людмила смотрела ему вслед. Ей ужасно хотелось, чтобы он обернулся и наградил ее еще одним изучающим взглядом. Она так и не разобрала – холодный он или обжигающий, этот взгляд?

Глава 4

Все явное становится тайным

Тем же утром, в начале недели, далеко-далеко от дачного поселка с его чудо-окунями и черными зверями, рыскающими в поисках жертв, в большом городе с полуторамиллионным населением решалась судьба этого патриархального мирка, возведенного в конце двадцатого века на зыбком кооперативном фундаменте.

Не было ни торжественных речей, ни фанфар. Звучало лишь сдавленное побряхтывание молодого человека, тужащегося так сильно, словно он горы сдвигал на пути к поставленной цели. Что тут поделаешь? В начале славных дел Боря Губерман, поставленный у штурвала АОЗТ «Самсон», как правило, подолгу маялся на унитазе, поскольку в голове его бурлили свежие идеи, а в желудке все лежало многодневным мертвым грузом.

Твердый стул – он надежнее жидкого, но сидеть на таком безвылазно – сплошное мучение. Вынашивая эту горькую истину, Губерман все чаще задавал бесполезную работу сливному бачку, надеясь хоть отчасти заглушить громкие стенания своего измученного организма.

Если бы все процессы происходили так же гладко, как мыслительные! Сел на унитаз, сделал свое дело, и – свободен как ветер в поле. Лег на жену, исполнил свой долг, и – отдыхай. Так нет же! Тонкие губы Губермана сложились в скорбную улыбку много выстрадавшего человека. Он, столь ценивший свое время, был вынужден убивать его часами то на испанском унитазе, то на отечественной супруге. Самое обидное заключалось в том, что нередко эти усилия затрачивались впустую. А ведь Губерман, как всякий человек, любил радоваться плодам своего труда, привык гордиться ими. Привстав, он заглянул под себя и понял, что нынешний одинокий сморщенный плод не стоит и десятой доли тех стараний, которые на него ушли.

– Псу под хвост, – прокомментировал Губерман с желчной миной.

Это выражение сохранялось на его лице на протяжении всего утреннего туалета. Лишь дымчатые очки, наконец оседлавшие переносицу, слегка просветлили угрюмый облик. Точно солнышко сквозь тучи проглянуло. Вся хитрость заключалась в настоящей золотой (а не золоченой, как полагали многие) оправе. Подумаешь, оправе! Денег у Губермана и на целый золотой унитаз хватило бы, вздумай он потакать своей упрямой заднице. Хотя жри их, деньги, этим самым местом.

Миновав анфиладу комнат, Губерман вошел в обширную кухню, напичканную чудесами техники и напоминавшую рубку межпланетного корабля. «Деньги, выброшенные на ветер», – сердито подумал он. Две дуры, в ведении которых находились эти сверкающие агрегаты, справлялись кое-как лишь с тостером, плитой и мойкой. На большее ума у них не хватало. Первая дура числилась законной супругой Губермана, а вторая ходила в домохозяйках. Вперевалочку ходила. Уткой. Он относился к обеим примерно с одинаковым презрением, хотя домохозяйка была еще тупее жены. Зато она не донимала Губермана сексуальными претензиями и поила его по утрам кофе, а более умная дура – его жена – привыкла дрыхнуть до полудня, чтобы потом ночью изображать из себя ненасытную жрицу любви.

Утренняя чашечка кофе одиноко дымилась на необъятном резном столе цвета яичного желтка.

– Покусаете, Борис Яковлевич? – заученно спросила служанка, наперед зная ответ.

Ответ всегда был отрицательный, но этим утром он прозвучал на пределе возможностей человеческих голосовых связок:

– Нет, нет и еще раз нет! Я тебе сто раз говорил, что я никогда не завтракаю, ни-ког-да! Неужели так трудно запомнить? Это же не инструкция по эксплуатации соковыжималки! Не описание микроволновой печи!

– Духовку я уже освоила, – робко вставила служанка.

Если она рассчитывала на благодарность, то очень даже зря. Потому что новая хозяйская тирада была выдержана в прежнем раздраженном духе.

– Голову свою бестолковую суши теперь в духовке! А меня оставь в покое! Дай мне возможность спокойно выпить кофе, а сама иди отсюда на... хм... В общем, займись чем-нибудь там... – Губерман неопределенно пошевелил пальцами.

Дождавшись, когда дура номер два пулей вылетит из кухни, Губерман окунул ехидно улыбающиеся губы в кофе. Утром в понедельник было заведено выдавать служанке деньги на хозяйство, а он не любил давать их – никому и никогда. Кроме того, Губерман прекрасно знал, что прислуга всегда ворует по мелочам, не может не воровать – он и сам поступал точно так же, только с другим размахом. Вот пусть сегодня и выкручивается как знает, когда дура номер один составит меню на обед и ужин. Сколько сунула себе в карман на прошлой неделе, столько оттуда и выложит.

Настроение помаленьку улучшилось. Потягивая ароматный кофе, Губерман взглянул на окостеневшего, усохшего окуня, валявшегося в уголке третьей по счету дуры – жирной персидской кошки, нареченной женой Синди Кроуфорд. Вчера в припадке благодушия он прихватил домой окуня и предложил его Синди. Та посмотрела на него с укором и потащила брюхо по полу к хозяйке – жаловаться. Четвероногая тварь не признавала никакой другой пищи, кроме свежайшей мясной вырезки, и жрала ее килограммами, игнорируя тот научный факт, что киски любят «Вискас».

А вот Губерман был не прочь побаловаться рыбкой... хи-хи-хи... с тем же господином Кацем, к примеру. В итоге лупоглазый окунь принес фирме 2 500 000 долларов. Не кисло, очень даже не кисло. Потом, окрыленный успехом, Губерман спросил пацанов: где взяли золотую рыбку? На шоссе? А дачные участки в округе наблюдались? Да? Отлично! Летите-ка, соколы, орлами, разузнайте у сторожей, что это за поселок, какому садово-огородному кооперативу принадлежит, кто председатель и как его найти.

Это было интуитивное, а следовательно, абсолютно верное решение. Как многие прирожденные коммерсанты, Губерман имел свои маленькие суеверные причуды и обряды. Специальная ручка для подписания контрактов. Особое присловье перед дальней дорогой. Тайное словечко на пороге нужного кабинета. Шепоток в спину... А хоть даже и заговоренная пуля в затылок.

Сам Губерман никогда на спусковой крючок не нажимал, за язык никого не тянул, руки никому не выкручивал. Этим занимались совсем другие люди. И не его вина, что богатые тоже плачут. Плачут и платят. Например, за не существующие в природе особняки.

Губерман встал из-за стола, но, прежде чем выйти из кухни, не удержался и потрогал рыбу носком туфли. Почин сделан. Самая грандиозная в его карьере афера будет построена на берегу безымянного ставка, в котором водятся такие великолепные окуни. На всех хватит.

В 8.00, садясь в поданную к подъезду машину, Губерман отключился от всех бытовых проблем, настроившись на важную, интересную работу. Прибыв в грандиозный офис, обустроенный когда-то Рудневым по последнему слову бизнеса, он не стал подниматься в кабинет, а спустился в подвальные недра, чтобы поинтересоваться самочувствием и настроением господина Каца. И то и другое оказалось паршивым, но Губерман только лучезарно улыбнулся и выложил перед пленником обещанный контракт. Полный ненависти взгляд, уловленный спиной на выходе, он отмел безразличным пожатием плеч. Чужие обиды его не затрагивали. Он нисколько не интересовался переживаниями племени «обиженных», насрать ему было на них, если бы только не проклятые запоры.

Прежде чем отправиться в «белый дом», где предстояло отчитаться перед Рудневым, Губерман заглянул в райисполком, в котором был зарегистрирован интересующий его кооператив, захватил там копии учредительных документов и по дороге просмотрел их наметан-

ным глазом, помечая розовым маркером особо важные пункты. Листы бумаги после этой процедуры казались забрызганными кровью, но Губерман не обращал внимания на подобные пустяки. Он работал.

Ну-ка, ну-ка, судари и сударыни с тяпками и лейками, какие там у вас имеются права и обязанности? Право одно – владеть своими хибарами да убогими наделами. Пока не отнимут. А среди обязанностей есть очень даже любопытные. Например, каждый владелец участка должен и посадки необходимые сделать, и какие-то таинственные агротехнические мероприятия произвести, и за прилегающей дорогой следить. Причем не забывая своевременно оплачивать коммунальные услуги... Один пункт Губермана умилил особенно: «Соблюдать правила внутреннего распорядка, не допускать совершения деяний, нарушающих нормальную работу и отдых граждан на прилегающих участках». Ну просто песня! Выходило, что, прибрав кооператив к рукам, можно любого обвинить в несоблюдении обязанностей и вышвырнуть к чертовой матери.

Вот, кстати, и перечень поводов, по которым бери любого за шкуру и выводил из дружного садоводческого товарищества. Каждый абзац устава – готовый пункт обвинения. Не уплатил своевременно за воду и электричество? Под зад! Игнорируешь, мерзавец, агротехнические мероприятия? По шее! Мешаешь окружающим мирно трудиться и отдыхать? В мешок, и – в воду! Ах, не хочешь в воду? Тогда получи свои целевые взносы взад и шагай отсюда, покуда цел. Вот и весь разговор. Короткий.

Обдумывая прочитанное, глава АОЗТ «Самсон» выбрался из машины, затесавшейся среди прочих толстозадых иномарок, осадивших здание обладминистрации, и, прижимая папочку к бедру, двинулся к монументальному входу, весь из себя скромный коммерческий муравьишко, едва заметный под сенью громады исполнительной власти. Ровно в девять часов он проник в главную приемную области и, не испрашивая позволения секретарши, толкнул дверь, которую многие, очень многие мечтали хотя бы разок открыть столь же непринужденно. Ибо даже мелкие рыночные корабейники Курганска зависели от большого человека, сидевшего в этом кабинете. Ни в чем ни разу не уличенный, зато по маковку облеченный властью, в своей области он был недосягаем и всемогущ, как бог и царь в одном лице.

Это лицо медленно обратилось к вошедшему и слегка обозначило щель рта, чтобы ответить на приветствие, предложить присаживаться и, наконец, сдержанно полюбопытствовать:

– Ну, что там у тебя за клиент появился? Давай хвастайся.

Губерман сдержанно похвастался, плавно переходя от колоритного описания окуня к результатам переговоров с Кацем. В заключение он поделился с благожелательным слушателем своими соображениями о механизме перечисления денег из-за границы и коротенько обрисовал будущность кооператива «Рассвет».

– «Рассвет», надо же. – Руднев хмыкнул. – Звучит, конечно, заманчиво. Просто сказка... – Задумчиво огладив крутой подбородок, он завершил свою мысль: – Только сказка скоро сказывается, а дело?

Губерман поерзал на стуле.

– Дело проще пареной репы, Александр Сергеевич. Главное – оперативно переоформить на нас землевладения и перерегистрировать кооператив. Например, включить его после смены правления в состав нашего акционерного общества. Был «Рассвет», станет «Закат». – Губерман позволил себе заговорщицкий смешок.

– Грамотно мыслишь, масштабно, – одобрил Руднев. – Но, думаю, тебе интересно и мое мнение услышать, а?

– Конечно, Александр Сергеевич. – Губерман весь подобрался. – За этим я и пришел.

Он никак не мог приноровиться к новому стилю общения, диктуемому хозяином. Пржнее прозвище – черт с ним. Итальянец все равно стоял слишком высоко над своими подданными, чтобы кто-нибудь осмеливался обращаться к нему по кличке. Было принято ограничи-

ваться коротенькими односложными словами: «вы», «шеф», «босс». За спиной же Руднева ласково именовали Папой. Папа велел... Папа сказал... Родной отец криминального народца. Глава некогда дружной, сплоченной «семьи».

Интересно, размышлял Губерман, а долго ли еще уважаемому Александру Сергеевичу Рудневу удастся сохранять контроль над невидимой империей, находясь за ее пределами? Прежде он довольно удачно балансировал сразу на двух стульях, сидя днем в кресле высокопоставленного слуги народа, а ночью – на троне некоронованного вора в законе. Теперь, когда Папа окончательно предпочел карьеру политического, а не криминального авторитета, его рейтинг в определенных кругах начал падать. Неужели это его не беспокоит? Неужели он всецело доверяет Губерману, позволив тому сосредоточить в своих руках почти все бразды правления, начиная от деликатных кукловодных ниточек и заканчивая жесткой уздой, в которой полагалось держать разношерстный сброд, именуемый по старой памяти итальянской командой?

Вздор. Быть этого не может. Губерман, прирожденный делец и финансовый гений, не пользовался уважением даже среди «своих» бригадиров и совсем уж низко котиrowался на межгруппировочной арене. Обычный еврейский барыга. Кто с таким станет считаться всерьез? Тогда зачем этот бал-маскарад? Что за подлянку ты затеял, уважаемый Александр Сергеевич Руднев? Какой гнилой расклад готовишь, тасуя свою крапленую колоду?

Силясь разгадать этот ребус, Губерман терпеливо слушал своего наставника, и руки его были чинно сложены на столе, как у примерного ученика. Стеклашки очков не отражали ничего, кроме преданности и исполнительности.

Однако истинные мысли и чувства умел скрывать не только он один. Руднев совсем не испытывал к Губерману тех отеческих чувств, которые умело изображал тоном и взглядом. Вовремя прикупить карту, а в нужный момент от нее избавиться – это было одним из главных правил его игры. Самой жестокой и самой азартной игры на свете. Закладываешь себя с потрохами правящей верхушке. За это тебя допускают к игорному столу площадью 203,7 тысячи квадратных километров. На кону один из 89 субъектов Российской Федерации – Курганская область. Карты сданы. Ставки сделаны, господа.

Председатель АОЗТ «Самсон» был в этой партии даже не шестеркой, а так, случайной козыжкой на игровом поле. Руднев вовсе не ценил своего головастого подручного. Оценивал – да. Этим он, собственно говоря, и занимался в настоящее время.

Если разом выдоить разбухшее акционерное общество «Самсон», набежит не так уж и много – восемь, ну десять миллионов долларов. Основные деньги в обороте, в товаре, в недвижимости, а быстро распродать империю с молотка невозможно – в ситуации, когда на сто продавцов приходится один покупатель. Эти замороженные капиталы не дают ничего, кроме капающих процентов прибыли. К тому же юридически Руднев не имел к собственности АОЗТ «Самсон» ни малейшего отношения. Итак, от силы десятков зеленых лимонов мог собрать он на неблагоприятной почве отечественного бизнеса. Этого было мало, катастрофически мало.

Высокий покровитель Руднева, заседавший на почетном месте при государственной кормушке, недавно назвал точную цену своей любви и дружбы. Всего восемь циферок: 25 000 000 баксов. Почти четверть тонны денег. Без этого взноса в губернаторское кресло не сядешь. Никакие демократические выборы не помогут, хотя народные голоса нынче стоили дешево – по бутылке водки в зубы и пламенные речи в качестве тостов: пейте за мое здоровье, голодуйте за меня, всегда будете сытые и пьяные. Да только без одного-единственного вкрадчивого голоса президентского наместника весь сводный хор избирателей ни хрена не значил. Потому и стоил этот голос в миллионы раз дороже. Солист, микрофон ему в глотку по самую стойку! Паваротти, мать его так!

Всякий раз, когда гнев начинал душить Руднева, он слегка ослаблял узел галстука и водил головой из стороны в сторону, заставляя себя не кипятиться. В принципе затраты с лихвой

окупались за полгода, а все остальное время Рудневу светил один лишь чистый доход. Такая игра стоила свеч. Но где взять начальный капитал для того, чтобы поставить его на кон?

Личных сбережений на иностранных счетах у Руднева в полтора раза больше, чем запросил столичный выскочка, но было бы полнейшим безрассудством рисковать своими кровными деньгами. Требуемые 25 миллионов Руднев рассчитывал найти прямо у себя под ногами, на государственной земле. На земле, которая запросто выдержит десяток особняков, продаваемых «самсоновцами» всем желающим... желающим избежать нечеловеческой боли или собачьей смерти. Занимая губернаторское кресло, Руднев запросто мог покрывать темные махинации фирмы.

Держа эти стратегические замыслы при себе, Руднев излагал коммерсанту тактику, поправляя, уточняя, напоминая и расставляя главные акценты. Он был, например, категорически против того, чтобы акционерное общество «Самсон» ограничилось легким косметическим ремонтом существующих дачных халуп, выдавая их за новостройки. Ни в коем случае! На месте хаотичного поселка следовало возвести новый, реальный и конкретный. Чтобы комар носа не подточил, и прокурор тоже, когда власть сменится.

– А деньги? – рассудительно спросил Губерман. – Настоящий особняк обойдется тысяч в двести пятьдесят. Брать из предоплаты?

– Предоплату не трогать, – твердо ответил Руднев. – Перечислять всю, до копейки, туда, куда я скажу. А деньги на строительство помаленьку вытягивай из оборота, я разрешаю.

– Значит, все-таки строить? – Губерман помаленьку скисал, как вчерашнее молоко, оставленное на солнцепеке.

Руднев наклонил голову и веско сказал:

– Строить, Боря. Береженого бог бережет. На днях подгоню тебе подрядчика – очень солидная турецкая фирма, работает от первого рабочего чертежа до последнего гвоздика. Бумаги чтобы с ними были оформлены чисто, без выкрутасов. Чистота, она – залог здоровья. – Руднев усмехнулся и немного полюбовался своими отполированными ногтями, прежде чем спросить: – Надеюсь, тебя не надо учить, как потом добавить к сумме сметы лишний нолик?

– Надеюсь, нет, – слабо улыбнулся Губерман. Он чувствовал бы себя гораздо увереннее, если бы Папа перешел на прежний человеческий язык. Вот сейчас подмигнет и по-свойски скажет: не ссы в компот, Боря, все будет чики-пики, я за тебя в случае чего всегда подпишусь. Так бывало раньше, но теперь Руднев вместо того, чтобы подбодрить партнера, демонстративно взглянул на часы и отрывисто спросил:

– Что еще? У меня через пятнадцать минут совещание.

– Я бы попросил вас переговорить с председателем кооператива «Рассвет». – Губерман поправил очки, неуверенно сидящие на взмокшей переносице. – Человек старой закваски. Взятки берет только при поощрении свыше. Нужно, чтобы он хорошенько проникся ответственностью.

– Ладно, – безмятежно соврал Руднев. – Переговорю. А пока просто дай ему на лапу.

– Так вы прямо сейчас и переговорите, – настойчиво гнул свое Губерман. – Я еще вчера распорядился, чтобы в 9.30 его доставили в вашу приемную.

Руднев посмотрел на него внимательно, очень внимательно. Почему-то вспомнился ему покойный начальник охраны, вбивший себе в голову, что у него есть право предвосхищать хозяйские желания. Где теперь эта голова?

– Жопу свою прикрываешь? – зловеще спросил он, сверля стекляшки губерманских очков таким тяжелым взглядом, что они только чудом не полопались. – Свидетеля со стороны решил привлечь? Чтобы губернатор у тебя в подельщиках ходил, так?

– И в мыслях подобного не было, Александр Сергеевич... Откуда такое недоверие, не понимаю...

Так ответил, обиженно шмыгнув носом, Губерман. Но Папа – вот же бестия! – угадал его намерения точно.

* * *

Пафнутьев тревожно встрепенулся, когда в приемной прозвучал властный голос:

– Дашенька... Там этот... председатель кооператива «Рассвет» наблюдается?

– Ждет, Александр Сергеевич.

– Приглашай.

Секретарша с удовольствием спровадила со своей территории непрезентабельного дядьку пенсионного возраста. Почти полчаса ей пришлось любоваться красноречивыми прожилками на его отечном лице. Настоящая карта венозных сосудов и капилляров. Совершенно никчемная и жалкая фигура, перебивающаяся от бутылки к бутылке. Судя по внешнему виду председателя, промежутки никогда не бывали достаточно продолжительными.

Пока секретарша опрыскивала приемную дезодорантом, Пафнутьев робко застыл на пороге, через который ему еще никогда не доводилось переступить:

– Здас-сс... Вызывали?

– Добрый день, – обласкал его баритоном хозяин кабинета. – Почему вызывали? Пригласили для разговора. Проходите, присаживайтесь... Вот, знакомьтесь, прямо перед вами председатель правления АОЗТ «Самсон», Губерман Борис Яковлевич...

Контакты в проспиртованном мозгу Пафнутьева успели изрядно поизноситься за последние годы, срабатывали через раз, причудливо искажая получаемую информацию. Вот и теперь из услышанного в ячейках памяти отложились лишь маловразумительные отрывки... Какой-то азот... Почему-то «Самсунг»... Плюс Кальман... Все это были смутно знакомые Пафнутьеву слова, но увязать их воедино он не брался. Плохо ориентирующийся в современной эпохе, он даже «стингер» от «сникерса» не отличал на слух. Зато прекрасно отдавал себе отчет, где находится и с кем разговаривает. Если председатель облисполкома знакомит тебя с человеком, то будь перед тобой хоть Кальман, хоть сам Розенбаум, изволь вежливо пожать ему руку и представиться:

– Пафнутьев, кху... Степан Степаныч, другими словами, кху-кху...

Руднев церемонией знакомства был вполне удовлетворен. Ему трудно было запоминать имена и отчества всех этих никчемных старперов, давно свое отвоевавших и отживших. А тут... э-э... Семен Степанович – легко и просто. С ним все ясно, с Семеном Семеновичем Пафнутьевым. Он, Степан Семенович, нынче побудет курочкой, от которой требуется только одно: поскорее снести золотое яичко. Так и подмывало прикрикнуть: «Рожай давай, бумажки, старый хрыч, несись поскорее и брысь отсюда!» Но речь Руднева текла плавно и величаво, как река Волга, которой он никогда в глаза не видел:

– Познакомились? Вот и отлично... Для справки: фирма «Самсон», можно сказать, является флагманом рыночной экономики нашего региона. Тот самый золотник, который мал, да дорог... – Полный значительности взгляд поочередно затронул собравшихся в кабинете. – Я собрал вас вместе, чтобы обсудить ряд интересных предложений, высказанных господином Губерманом по поводу реорганизации садово-огородного товарищества, имеющего юридический статус кооператива «Рассвет». В городе масса кооперативов такого типа. А сколько жилищно-строительных? Их с гульки нос, их просто кот наплакал. Надо исправлять положение. Впрочем, Борис Яковлевич объяснит суть своей идеи гораздо доходчивее. Профессиональным, так сказать, языком...

На протяжении этого вступления Пафнутьев ужасно волновался и потел. Во-первых: зачем опохмелялся? Могут унюхать, неприятностей потом не оберешься. Во-вторых, он, как на грех, не знал профессионального языка, ни одного. И теперь боялся, что вообще ни хрена

не поймет, а так и будет сидеть, хлопая глазами. Что втолковывал ему хозяин кабинета только что? Кооператив ликвидируют, что ли? С пафнутьевского носа упала мутная капля пота. В огромном кабинете, подавляющем своим размахом, в обществе двух лощенных наодеколоненных мужчин он ощущал себя забредшим на банкетный стол тараканом. Заманили, и – шлеп! За что? Повод всегда найдется. За то, что все еще ползает...

Однако Пафнутьева не зашибли, отнеслись к нему с полным уважением.

Часто поправляя на носу золотую оправу дымчатых очков, молодой коммерсант (Борман? Гурман?), фамилию которого Пафнутьев напрочь забыл, подчеркнуто вежливо и доходчиво стал излагать суть своих предложений по реорганизации кооператива. Он даже снизошел до того, что попытался объяснить собеседнику, почему должно быть так, а не иначе. Красивые обтекаемые фразы проплывали в мозгу Пафнутьева, иногда даже откладываясь там... Экологическое оздоровление промышленного мегаполиса, каковым является Курганск... Создание курортной зоны... Частичное решение жилищной проблемы... Проект постановления исполкома... Письмо землеустроителей...

Становилось все понятнее и понятнее, яснее и яснее, а потом – оп! – сделалось совсем уж предельно ясно и понятно. В обмен на документацию кооператива и несколько автографов Пафнутьева ему прямо сегодня были готовы выдать кругленькую сумму в долларах, что составляло целую кучу настоящих, привычных денег, с которыми ходят в магазин. Кадык Пафнутьева дернулся так, что едва не прорвал изнутри тонкую кожицу куриной шеи. Если ежедневно брать по две бутылки водки с закуской, то этого должно хватить на целых три года! Живут ли так долго в столь сказочной роскоши? При норме – литр в день? Пафнутьев даже подумал, что ослышался, что опять в голове шарики с роликами барахлят.

– Долларов, кху? – переспросил он, едва не подавившись собственным удушливым кашлем.

– Именно, – подтвердил молодой коммерсант, нежно тронув пальчиком дужку очков. – Американских.

– А можно в рублях? – почти прошептал Пафнутьев, обмирая при одной только мысли, что сейчас сказочный мираж рассеется, обернется фигой под носом.

– Можно! – легко согласился очкарик. – Для вас хоть луну с неба... Семьдесят пять тысяч вас устроят?

– Стоп! – протестуя воздел руки хозяин кабинета. – Борис Яковлевич! Так дела не делаются! Финансовые вопросы вы уж обсуждайте сами, без меня. Организационная сторона дела вас устраивает, Семен Семенович?

Пафнутьев выразил утвердительным сипением полное согласие, даже с тем, что он из Степана превратился в Семена.

Хозяин кабинета собрал брови в одну линию:

– Тогда не смею вас больше задерживать, господа предприниматели. Мне, честно говоря, сейчас совсем не до коммерции. Задолженность по выплатам пенсий в области достигла критического уровня, – доверительно говорил он, мягко подталкивая ветерана кооперативного движения к выходу. – Вот, собрал людей, будем думать-гадать, как помочь нашим старикам... Нужно ведь помогать, Семен Сергеевич, как считаете?

– Да, – откликнулся Пафнутьев, – без пенсии никак.

Да только не пенсией были заняты его мысли, забродившие на вчерашней хмельной закваске. Допустим, лихорадочно размышлял он, брать самую дешевую водку, по двадцатке. Получается сорок рублей в сутки. На червонец – жратвы. Итого полтинник. Пятьдесят перемножить на триста шестьдесят пять...

Не дали сосчитать. Вежливо повели прочь из кабинета, помогли спуститься вниз по лестнице, потом в машину усадили, потом высадили, и снова – ступеньки, теперь уже ведущие вверх.

Пятью триста – будет полторы тысячи, соображал Пафнутьев. Ежели добавить нолик, а потом еще приплюсовать три сто, то в год выйдет... Что за наваждение? Он с недоумением уставился на драную обивку собственной двери, к которой его доставили безымянные дюжие молодцы, назначенные в провожатые коммерсантом в золоченых очечках. Документики, дядя, напомнили ему. Мы за документиками приехали.

Только и успел Пафнутьев, что опрокинуть по-походному стопочку на кухне, как опять подхватили его вместе с картонкой с кооперативными бумагами, опять усадили в машину, опять повезли.

Из пенсии можно будет платить за квартиру и собирать помаленьку на зимнее пальто. А 18 250 рублей – это святое, это годовой пропиточно-прожиточный минимум. Семидесяти пяти тысяч должно хватить на целых четыре года безбедной жизни, и еще 2000 останутся на черный день. А если сократить расходы на питание до самого минимума, который называется килька с хлебом, то...

При чем здесь театр оперы и балета? – досадливо подумал Пафнутьев, которого снова сбили со счета, предложив живенько выгружаться у знакомого всем жителям города здания, принадлежавшего фирме «Самсон». А когда он сообразил, куда его привезли и зачем, то помчался вперед вприпрыжку, изнывая от желания поскорее обменять пыльный картонный ящик на новенькие бумажные купюры.

К его удивлению, никаких балерин внутри здания не наблюдалось. У здешних лебедушек юбочки оказались чуточку подлиннее балетных, зато – в обтяжку, на манер гондонов, которыми Пафнутьев в последний раз пользовался лет десять назад. Испытывая от мелькания их попок легкое головокружение и истому, Пафнутьев, как сомнамбула, послушно шел куда говорили и поворачивал где требовалось.

И ждала его комната с обширным черным столом, на который двое провожатых водрузили пафнутьевский короб – такой большой и внушительный в сравнении с брикетиком сотенных, улегшимся рядышком. И сидели в комнате три человека, представившихся Пафнутьеву нотариусом, юристом и бухгалтером. Под их присмотром волеизъявление двух юридических сторон было должным образом зарегистрировано и оформлено.

Все были довольны итогами этой встречи. Даже два молодца среднеазиатской наружности, намаявшиеся с Пафнутьевым и его коробом. Когда им было поручено доставить кооператора домой, они украдкой переглянулись, и один провел ребром ладони по горлу. Пафнутьев этого жеста не заметил, а если бы и заметил, то списал бы на желание молодца поскорее выпить. Сам он ведь прямо-таки изнывал от такого желания.

* * *

Спровадив кооператора к знатокам законодательства и хозяйственно-финансовых форм, Губерман энергично продолжил воплощение в жизнь новых планов. Перед ним вольготно раскинулся молодой, относительно цивилизованный бандит Эрик, порекомендованный Папой в наместники облюбованного поселка.

Эрик вовсе не чувствовал себя в губерманском кабинете гостем. Он никогда и нигде не чувствовал себя в гостях, не чванился, не жеманничал, а просто заходил и садился на самое удобное место. В данном случае было выбрано крутящееся кресло Губермана, нерасчетливо вышедшего из-за стола поприветствовать уважаемого посетителя. Теперь Эрик с явным удовольствием устроил себе карусель – большой мальчик, при всех регалиях, соответствующих его взрослому рангу, вплоть до золотого зажима на воротничке черной шелковой рубашки с латиноамериканской вышивкой. Где-то там, на широкой, но пока не слишком волосатой груди сверкала обязательная цепь-ошейник с массивным христианским символом смирения. Порой цепь перекручивалась с золотым жгутом, но Эрик стоически сносил неудобства. Этим своеоб-

разным рыцарским крестом он был награжден два года назад лично Итальянцем, надевшим цепь на Эрикову шею и сопроводившим ритуал троекратным лобызанием.

Подчеркнуто мафиозный прикид очень шел этому парню с нервным худым лицом и длинными черными волосами, гладко зачесанными назад. Губерман подозревал, что по телевизору Эрик смотрит не примитивные боевики, а трагические бандитские саги, возможно, даже проливая втайне скупую мужскую слезу, когда герои замедленно падали, погибая от подлых полицейских пуль.

– Срань господня, – произнес Эрик в полном соответствии с видеоканонами. Подумал немного и выругался еще более звучно: – Шит!

Упоминание круто замешанного американского дерьма означало, что новости, услышанные от Губермана, не вызвали у Эрика ни малейшего энтузиазма. Он и семерка его бойцов переходили в полное распоряжение этого хитромудрого жида, Папиного любимчика. А тот залепил с ходу: езжай-ка ты, братец Эрик, за город дачки сторожить – там самое для тебя подходящее место.

– Какой понт от этого? – угрюмо спросил бандитский братец Эрик, разглядывая лаковые носы своих широко раскинутых в стороны туфель. – Нашел сторожа! Может, еще свисток с берданкой мне выдашь? Тулупчик овчинный?

– Выдам кое-что получше, – загадочно усмехнулся Губерман. – Позже.

Послonyaвшись по своему кабинету, он демократично взгромоздился на стол, словно занятое гостем кресло несколько его не интересовало. Так и сидели: один лениво раскручивался на мягком сиденье, а второй несколько принужденно болтал свешенными со стола ногами. Два рано повзрослевших мальчика двадцати с лишним годков от роду. С разными судьбами и одной целью: быстро разбогатеть любыми способами.

Юный Боря проник во взрослую жизнь сквозь экран компьютера, который когда-то подарили ему родители вместе с ворохом специальной литературы. Он не заблудился в виртуальной реальности, не попался в сети Интернета. Он просто получил доступ к самой обширной информации и воспользовался ею с толком. Однажды удачно продав партию «Жигулей» и заработав на посредничестве свою первую тысячу, Боря Губерман не в вуз пошел, а в коммерсанты. Это дало ему такие привилегии и блага, о которых его высокообразованные родители могли только мечтать. К настоящему времени полноте Бориного счастья мешали лишь несварение желудка, слабая потенция и вынужденное общение с разными опасными типами.

Эрик, привыкший чувствовать себя хозяином положения в любой ситуации, не уважал Боря Губермана не по антисемитским соображениям. В конце концов многие мафиозные кланы обосновались в еврейском Бронксе, и Эрик восхищался их лидерами не меньше, чем итальянскими или ирландскими. Особенно, когда их изображали Роберт де Ниро и Аль Пачино.

Просто Эрик с ранних лет ненавидел тех, у кого имелись богатые родители, велосипеды и компьютеры. У него ничего этого в детстве не было. Только краденый пистолет. Не настоящий, пневматический. Точно с таким же расхаживал по школе крутой-прекрутой одноклассник, поддерживавший свой авторитет обещаниями засадить любому пулю между глаз.

Давай, сказал ему Эрик, посмотрим, кто кому засадит! Фак ю, бастард!

На спортивной площадке за школой собралось не менее сотни зрителей, прознавших про дуэль. Все запомнили эту сцену надолго. После первого же щелчка вражеского ствола Эрик страшно закричал и пошел вперед, позабыв нажать на спусковой крючок. Он просто матерился во всю глотку и шагал на противника, выставив перед собой оружие. Не заслонял при этом лицо, не жмурился, не пригибался и не пытался уклониться. Только орал.

Растерянный противник бросил свой пистолет и обратился в позорное бегство. А окровавленный Эрик очнулся в больнице. Оказалось, что одноклассник зарядил свое пневматическое оружие не мягкими свинцовыми пулями, а бронзовыми шариками, которыми, если

стрелять в упор, можно запросто пробить лобовое стекло автомобиля. Под кожей Эрика таких засело пять штук.

Как ни странно, не сама перестрелка, а ее последствия вывели его на большую дорогу. Ибо прямо из больницы, минуя участкового, он появился в дом одноклассника и деловито выставил его родителям счет за физический и моральный ущерб. Та беседа была построена настолько грамотно, что даже по прошествии лет набравшийся опыта Эрик не сумел бы добавить к сказанному ни словечка.

Приходишь, угрожаешь, требуешь денег. Если дают – уходишь и возвращаешься позже за новой суммой. Если нет – приводишь угрозу в исполнение. Такова нехитрая наука рэкетира.

А вот в сторожа Эрик не нанимался. Папин приказ он, конечно, оспаривать не собирался, но и восторг проявлять не спешил.

– Ты не мути, – посоветовал он Губерману. – Ты дело говори.

– Дело нехитрое, – отозвался тот. – Ты и твои пацаны пишете заявления о приеме в службу охраны жилищно-строительного кооператива «Вест»...

– Что еще за хуйвест такой? – спросил Эрик из духа противоречия.

Губерман успешно превратил недовольную гримасу в подобие улыбки:

– «Вест» означает: запад. Тот дачный поселок, возле которого вы окунька прикупили, аборигены Западным называют. Вот пусть и будет «Вест».

– Пусть будет, – милостиво согласился Эрик и протяжно зевнул.

– Ставок, свежий воздух, – продолжал Губерман с преувеличенным воодушевлением, – настоящий курорт. Раньше поселок за чужим кооперативом числился, а теперь стал нашим.

– И что дальше?

– Вместо дачных халуп будем строить там современные коттеджи на западный манер. Папа так решил, – напомнил Губерман лишний раз. – Будет элитный мини-кантон.

– Кондом как бы, – блеснул эрудицией Эрик. – Штопанный.

– Напрасно ты так. Папа большое дело затеял. Каждый коттедж будем впаривать за два с половиной лимона баксов. Наши затраты – четверть лимона. Ты когда-нибудь о десятикратных подъемах слышал?

– Ага. – Эрик опять зевнул и от скуки пару раз крутнулся в кресле. – Но это давно было. Когда еще по ящику Леню Голубкова раскручивали. Вот была конкретика, базару нет. А кондом твой... Кто в этой дыре жить захочет, реально? Ты таких лоханутых знаешь?

Губерман привычно поправил дужку очков на переносице и торжественно сообщил:

– Знаю, Эрик.

– Каца имеешь в виду? Так он своих соплеменников враз оповестит, чтобы к нам больше не совались.

– Согласен, – спокойно ответил Губерман. – Но на Израиле свет клином не сошелся. У нас своих миллионеров хватает, под боком. Вот, например, некий Валера Емельянов. Он знаешь что коллекционирует? Спортивные «Шевроле» по цветам радуги! Неужели мы его на особнячок не раскрутим, а, Эрик? Или вот, – Губерман заглянул в свой пухлый блокнот. – Станислав Ващинский, главный архитектор города. Как нажрется, так и выясняет в турфирмах, остались ли на Средиземном море необитаемые острова, на предмет приобретения. Этому романтику самое место на нашем ставке... Господин Мамонтов – тоже наш клиент. Заброшенную церквушку выкупил и настоящий дворец из нее в центре города отгрохал. Деньги некуда девать? Поможем бедолаге. Пусть перебирается в мини-кантон, может даже камердинера с собой прихватить, который ему сейчас ширинку застегивает... У нас в области, Эрик, не меньше тысячи настоящих «зеленых» миллионеров проживает. Нужно только подобрать к девяти из них правильный подход, и получится больше двадцати лимонов чистого навару. Прикидываешь, что это такое?

– Не хило, – согласился Эрик. – С голодухи, значит, не помрем. – Столь оптимистичное утверждение завершил скорбный вздох. – Да только на всех, на кого можно было наехать, давно наехали, а по недовольным катком прошлись. Все давно между братвой поделены, как четыре на два. Сам по себе никто уже не пасется.

Нос Губермана хищно заострился:

– Папа сказал: невзирая на лица. Всех подряд бомбить. И чужих, и своих. Он отвечает.

– Это полный беспредел, – помрачнел Эрик. – За него отвечают хором, сверху донизу.

Губерман это и сам понимал, но лично он ни за что отвечать не собирался, а потому с жаром возразил:

– Не беспредел, а передел собственности. Мы сейчас круче всех стоим, вот и нужно пользоваться моментом. Потом забудется, кто под кем ходил. Если всю эту публику загнать...

– В стойло?

– Именно! – Губерману выражение понравилось. – В стойло... Так вот, при наших капиталах да при Папиных возможностях мы потом ни перед кем отчитываться не будем. Тем более что господа миллионеры сами контракты заключат и предоплату выложат. Приспичило им в особняках за городом поселиться, и все тут! Какой криминал? Какой беспредел, Эрик? Это ведь не рэкет, не вымогательство... Это бизнес, не подпадающий ни под одну из статей Уголовного кодекса. Ну, будут ездить наши агенты по области, дома состоятельным людям предлагать. Дело за это не пришьешь, так ведь?

– Как и рукав к звезде, – признал наконец Эрик, подобрав ноги под себя и весь напрягившись. – Получается что-то типа: «Дяденька, купи кирпич»... Толково, базару нет. Я хоть завтра с пацанами поеду по клиентам. А то жируют, фазаны батистовые, ряшки шире плеч наедают...

Губерман даже заслушался продолжением обличительной речи, в которой русско-английская матерщина затейливо переплеталась с такими сказочными персонажами бластного эпоса, как «сазаны вигоневые» и «крылатые рогометы». Однако, как только красноречие Эрика помаленьку пошло на убыль, он подозрительно уставился на Губермана и буркнул:

– Э! А с какой радости моя бригада в сторожа станет наниматься? Забыл, что мне в начале разговора втирал, родной?

Прежде чем заговорить, Губерман улыбнулся своей кисло-сладкой улыбкой, которую принял бы за дружелюбную разве что какой-нибудь подслеповатый старичок:

– На первом этапе, Эрик, придется поселок покараулить немного. Понимаешь, документация будет слеплена легко и быстро, но остаются еще всякие землепашцы со своими огородами и халупами. Собственность! А их там за сотню, собственников голозадых.

Эрик недоуменно выгнул бровь:

– Так что, напалмом их выжигать?

– Напалмом нельзя, – погрустнел Губерман, – это ничего не даст. Есть одна заковырка, Эрик... Землю, на которой стоят дачи, юридически переоформить можно, а вот вытащить ее из-под нынешних владельцев практически – сложнее. Для этого нужно зарегистрировать все домовладения и участки на нашу фирму. Другими словами, одних будем исключать из кооператива, других – убеждать отказываться от участков добровольно, а третьих...

– Мочить в сортирах? – предположил Эрик, который не чурался большой политики.

Губерман поморщился, как будто учуял, чем пахнет подобное решение проблемы.

– Это в крайнем, в самом крайнем случае. У каждого есть родственники, наследники. Вони потом не оберешься. Нет, тут надо по-умному. Например, выплачивать за участок три штуки наличными, не отходя от кассы. Две трети жителей сами на такие деньги поведутся. И только к остальным потребует особый подход. Вот зачем сторожа в поселке нужны, Эрик. Не со свистками, а, знаешь, с колотушками раньше такими ходили.

– Не знаю, но принцип ясен. Меньше народу, больше кислороду, так?

Услышав утвердительный ответ, Эрик взвился с места и принялся мерить кабинет широкими шагами, не обратив внимания на то, что Губерман мгновенно занял освободившееся кресло. Такой подход к делу вызывал у Эрика если не энтузиазм, то полное понимание. Чем дольше он слушал рассуждения башковитого коммерсанта, тем больше проникался уважением к простоте и размаху предприятия. Речь шла о тех самих деньгах, которые умеют делать на ровном месте очень немногие. Оказывается, это так легко! Проще, чем два пальца обмочить или носы лаковых туфель обрызгать. Главное, чтобы аборигенам самим захотелось поскорее избавиться от своих паршивых соток, чтобы жизнь перестала казаться им медом. Для этого что требуется? Например, отрезать поселок от электричества и водопровода. Запустить патрули с собаками и битами, дабы отбить у дачников охоту шляться по вечерам. Перекрыть колючкой свободный доступ к ставке. Убрать остановку рейсовых автобусов и перенести ее на пару километров дальше. А въездные ворота держать на замке, как границу. Пусть приезжие оставляют свои колымаги на солнышке, а сами пилят дальше пешочком, с тюками и торбами на горбу. В обход, вдоль ограды вокруг поселка.

– Ахтунг, новый порядок! – развеселился Эрик, выслушав собеседника. – Из барачков не выходить! Здесь вам теперь Освенцим с Бухенвальдом, так что хенде хох и полный капут!

– А недовольные могут жаловаться по инстанциям, – подхватил Губерман. – Их годовой зарплаты как раз на судебные издержки хватит. Так что выгоднее контингенту будет дачи свои распродать и выращивать свою чахлаю малину в каком-нибудь другом месте.

Эрик тут же подсказал название этого места, начинающееся на букву «ж», и деловито поинтересовался.

– С жильем как?

Это означало, что он согласен временно сменить профиль своей основной работы.

– Пока не ахти, – признался Губерман, незаметно переводя дух. – Обычная сторожка у ворот. Вот ключи – я предупредил, что с сегодняшнего дня там дежурят наши люди. – Он заговорил быстрее, торопясь выложить хорошие новости. – На днях распоряжусь забросить кое-какую мебелишку, продукты, напитки, холодильник. Первый же освободившийся дом – ваш, так что напряги своих пацанов, Эрик. Желających продать дачи пока направляйте в офис, а со следующего понедельника выделю вам пару человечков с бланками заявлений и наличностью.

– Человечки с сиськами будут?

– Даже с письками, – неуклюже сострил Губерман, вспомнил почему-то законную супругу и чертыхнулся про себя.

– Видак? – не унимался Эрик.

– Без вопросов. А в придачу – вот, держи...

Сделав значительное лицо, Губерман присовокупил к выложенным на стол ключам еще одну связку. Эрик так и впился горящим взглядом в гордую «мерседесовскую» эмблему на брелке. Но вслух ничего не сказал, только покосился на Губермана вопросительно.

– Папа сказал – ты в доле, – пояснил тот, выдержав торжественную паузу. – Теперь это твой «мерс». Сегодня вечером его подгонят к сторожке с документами на твое имя.

– Что за «мерс»? – спросил Эрик, совершенно бездарно изображая безразличие.

– Только что не «шестисотый», – прозрачно намекнул Губерман, не удержавшись от улыбки. – Завтра сам увидишь.

– Ты сказал: сегодня вечером.

– Тебя сегодня вечером в поселке не будет, Эрик. Это тоже не моя прихоть, как ты сам понимаешь. Тебе велено лично новую бригаду по всем своим пробитым точкам повозить, представить пацанов нужным людям, ввести их в курс дела. На все про все – сутки. А на посту пока двоих хватит, я думаю. С графиком дежурств сами разберетесь. Это уже не мое дело.

– Не твое, Боря, – подтвердил Эрик, впервые обратившись к Губерману по имени. Его движения сделались вкрадчивыми, как у большого черного кота, увивающегося вокруг домаш-

него голубя, которого хозяин строго-настрога запретил трогать. – Твое дело, Боря, позаботиться, чтобы «мессер» никуда не задевался по дороге. Это тачка моей мечты, заруби на своем носу. Я сильно огорчусь, если не увижу ее завтра.

Губерман внезапно понял, что после этого безобидного в общем-то разговора на ночь придется ставить клизму с настоем ромашки. Однако не изменил ни расслабленной позы, ни приветливого выражения лица, когда произнес в спину уходящему бандиту:

– Я никогда ничего не забываю, Эрик. Склеротики у нас не задерживаются, сам знаешь. Но и ты не забудь. Сегодня же выделяешь на пост двух человек. Завтра подаете заявления.

Сверкнув гелевой смазкой на черных волосах, Эрик стремительно обернулся и, смерив Губермана долгим десятисекундным взглядом, процедил:

– Заметано. На боевое дежурство братьев Садыкбековых отправлю, пусть начинают на огородников ядом дышать, они умеют. Заодно и за тачкой моей присмотрят.

Он вышел, не потрудившись прикрыть за собой дверь. Губерман остался сидеть за столом, нервно перебирая суставы пальцев и обдумывая свои дальнейшие действия. Любой, кто увидел бы выражение его лица в этот момент, сразу заподозрил бы, что новейшая история поселка Западный не сулит его обитателям ничего хорошего.

Глава 5

Вне игры

Поселок, разморенный духотой и жарой, раскинулся на берегу ставка в тоскливом предчувствии настоящего полуденного зноя. Никто не пылил к нему по ухабистой дороге, наезженной и протоптанной от асфальтовой ленты, протянувшейся мимо. По одну сторону шоссе лежала небольшая деревушка с модернизированным продмагом, почтовым отделением и единственным двухэтажным зданием, где когда-то размещалась контора сгинувшего колхоза. По другую – теснились дачи членов кооператива «Рассвет». Дачники изредка навещали в село за хлебом и водкой. Сельские мужики совершали ответные визиты, когда отправлялись на рыбалку или вынюхивали в поселке какую-нибудь строительную шашку. Без нужды между деревней и поселком никто не курсировал. Те, кому приходилось добираться до загородных имений автобусами, и без того ухайдакивались, пока с языками через плечо отсчитывали ногами три тысячи метров, отделявшие дачный поселок от шоссе.

На заре существования он представлял собой наспех перепаханный пустырь, который предстояло по-честному поделить на прямоугольные клаптики. Члены садово-дачного кооператива, получившие здесь наделы, яростно дробили груды земли, лишая их травяных скальпов, а потом елозили по вскопанному граблями. Из отсеянных камней образовывались тропы вдоль разграничительных колышков с бечевками. Эти пустынные территории обживались радостно и стремительно. Каждому хотелось поскорее сделаться помещиком.

Как грибы после дождя, вырастали крытые рубероидом халабуды, списанные вагончики, а то и просто откровенные шалаши. Следом из земли полезли вонючие скворечники сортиров и бетонные фундаменты. Из солидарности члены кооператива не воровали друг у друга завезенные стройматериалы, но со стороны тащили на свои участки все, что плохо лежало: могильные оградки, скверные скамейки, ржавые вагонетки и даже автомобильные цистерны из-под кваса или молока. Любые емкости под завязку заполнялись водой из ставка или пробуренных скважин – поливать приходилось все, что попадало в поле зрения на прополотых грядках. Дождевые тучи с завидным упорством обходили поселок Западной стороной.

Постепенно, обуреваемые частнособственническими инстинктами, новоиспеченные землевладельцы отгораживались друг от друга стальной сеткой-рабицей, все больше напоминающей прожорливых кроликов, обживающихся в своих вольерах. Вооружась сельскохозяйственным инвентарем, обитатели вольеров ползали вокруг своих грядок на четвереньках, передвигались на корточках или вообще стояли на коленях, склоняясь в бесконечных земных поклонах над первой клубничкой и последним помидорчиком.

Так незаметно пролетали годы. Временные убежища сменялись настоящими каменными домами. Причем все строения были непременно двухэтажными. Тот, кто не имел возможности потрясти соседское воображение желтым огнеупорным кирпичом, ограничивался красным или белым, а то и просто мрачным шлакоблоком популярного цвета «мокрый асфальт». Дальше начинался неудержимый полет фантазии. К фасаду лепились хлипкие балкончики, из шиферных крыш произрастали чудовищных размеров трубы, стены усеивались круглыми иллюминаторами, а кое-где встречались и потешные средневековые башенки. Эти трогательные подобию неприступных замков, словно сошедшие с детских картинок, крепостными валами и рвами не окружались только по той простой причине, что каждая пядь земли ценилась владельцами на вес выращенного на ней урожая.

Он не баловал изобилием. В бесполезных погребах было хоть шаром покати, но зато светлыми летними вечерами гордые помещики ходили к друг другу в гости, хвастаясь, кто

первой червивой вишенкой, кто диковатым яблочком, а кто внушительной фаллосоподобной морковью, которую дамы норовили незаметно огладить огрубевшими пальцами.

Увлечение ботаникой принимало форму легкого умопомешательства. Самые заядлые садоводы все свободное время проводили в диспутах об отличиях кольраби от брюссельской капусты, о преимуществах груши буасье над лесной и снежной, вместе взятыми, о необыкновенной питательности лимской фасоли и о специальных способах консервации сливы-китаянки. Непосвященные, слушая их тарабарщину, чувствовали себя новичками на воровском толковище. Что за кукумис такой? Чем земляная груша отличается от обычной падалицы? Зубовидная кукуруза – это как? Короче, растурнепс их однолетнюю пелюшку с перуанским капсикумом!

А местные дачные авторитеты, променявшие детективы на специальную литературу, почему-то упрямо игнорировали тот факт, что ничего более экзотического, чем лук, картошка и крыжовник, на их земле в достаточном количестве не произрастало.

Упорные фанатики не желали также признавать, что их выходные и отпуска давно превратились в каторжный труд... на собственных плантациях. Обряженные на манер огородных пугал, обгоревшие на солнце, чумазы, они как заведенные поливали корявые саженцы, мяли руками навоз и куриное дерьмо, подвязывали чахлые кусты помидоров и злорадно топили колорадское жучье в бутылках с керосином. В сравнении с их маниакальным энтузиазмом двенадцать комсомольских подвигов Павки Корчагина выглядели примерами похвального, но умеренного трудолюбия.

С окончательной победой капитализма в стране это беспрестанное ковыряние в земле превратилось в один из способов борьбы за существование. Отложив собранный урожай на черные зимние дни с отключенным по всему городу электричеством, можно было жевать свою картошку при свечах и мечтать в полумраке о светлом будущем, когда весной опять из земли попрут зелень, а там – кабачки, а там – редис и огурчики. Значит, как-нибудь переберемся, доживем до лучших времен...

Дачный поселок стал для населявшего его мирного трудолюбивого народа последним оплотом, островком прошлого, где время как бы приостановилось, щадя вымирающее поколение. Но вот стрелки часов вздрогнули и пошли вперед – все быстрее и быстрее, спеша навстречу упущенное.

* * *

Обладатель запоминающихся светлых глаз, умиряющих злых псов и волнующих незнакомых женщин, почти не вспоминал об утреннем инциденте. Расположившись в древнем шезлонге на еще не слишком жгучем солнцепеке, он занимался мирозерцанием, то есть попросту бездельничал, лениво поглядывая по сторонам.

На прилегающем участке, превращенном в строительную площадку, копошились четверо давно не стриженных работяг в выгоревших добела или застиранных досера обносах. Когда они матерились, а такое происходило всякий раз, как только кто-нибудь из них открывал рот, это звучало столь же естественно, как жужжание пчел или щебетание птиц.

Один мужик из длинноволосой четверки казался каким-то заторможенным. То ронял инструмент, то спотыкался на ровном месте. Вот и теперь, волоча через двор мятые ведра с раствором, он вдруг запнулся и замер как вкопанный, повернув голову в направлении мужчины в шезлонге. Было такое впечатление, что он силился что-то вспомнить, но никак не мог, и это мучило его.

– Ванька! – гаркнули на него. – Шевелись, давай! Че ты как чумной сегодня? Похмелиться, небось, мечтаешь? Я те похмелюсь, сучий потрох!

Ведро испуганно вздрогнуло и двинулось дальше. Машинально проследив за их перемещением по двору, мужчина наткнулся взглядом на горе-боксера в зеленом спортивном костюме. Тот отсвечивал издали ненавидящим взглядом. Надутый и мрачный, он бесцельно шлялся по стройплощадке, изображая из себя то ли надсмотрщика, то ли часового.

Ближе к полудню на сцену выбрался новый персонаж. Если боксер, нарвавшийся на пару утренних зуботычин, выглядел достаточно бодрым и энергичным, то его сотоварищ смахивал на только что очнувшегося зомби. Следы вчерашних возлияний отчетливо проступали на его плохо выбритой голове. То, что проглядывало сквозь короткую густую щетину, назвать лицом язык не поворачивался. Участки, не поросшие колючками, воспринимались как необязательные придатки круглой башки, прилепленной к крепко сбитому телу баскетболиста.

Наверное, башке хотелось, чтобы ее поскорее отскребли от излишней растительности. Но сначала – опохмелили. Поэтому увенчанное ею долговязое тело вышло на свет божий с двумя пивными банками. Одной из них немедленно завладел боксер, а со второй баскетболист предусмотрительно отступил подальше. Синхронно дернув за жестяные колечки, оба парня запрокинули свои банки над пересохшими глотками и на полминуты застыли в позе подбочившихся пионеров-горнистов.

На беззвучный зов хмельной побудки из дома вывалился хозяин черного ротвейлера и всех человеческих особей, собравшихся во дворе. Лет ему было никак не больше двадцати семи, но его солидный хозяйский статус подтвердился всеобщим оживлением. Рабочие изобразили трудовой подъем, излишне громко матерясь и суетливо двигаясь во всех направлениях. Парни незаметно избавились от пустых емкостей и принялись хрипло покрикивать на рабочих. Из неведомого укрытия выбрался черный ротвейлер, украдкой зыркнул на мужчину в шезлонге, сделав вид, что знать его не знает, и присоединил свой басистый голос к общему хору.

Объект почтительного внимания дворовой челяди немного постоял на крыльце, с чувством почесывая все, что у него могло зудеть после многочасового сна. Подданные помаленьку стягивались к нему поближе. Пожалуй, пес, помахивающий обрубок хвоста, выглядел самым независимым существом в этой компании. Боксер и баскетболист, во всяком случае, выражали свое почтение более наглядно. Оба так и увивались вокруг, готовые ловить на лету команды и подачки.

Хозяин одарил собравшихся благосклонным взглядом, сладко потянулся и вместо приветствия издал неприличный звук – такое своеобразное «здр-р-р-ссс»... Ротвейлер неодобрительно покосился на него и попятился. Люди остались на местах, готовые внимать и речам, и просто звукам.

Мужчина в джинсах, незаметно наблюдавший за этой сценой, поморщился, хотя ноздри его улавливали только запахи зелени и разогретой земли. Он уже твердо знал, что сосед, гордившийся из двух чужих домов что-то грандиозное, ему активно не нравится. Маленький властелин нескольких дешевых крепостных душ, возмнивший себя величественной фигурой.

Эту фигуру с пузцом и покатыми плечами увенчивала голова с лицом, выглядевшим как чей-то незавершенный портрет: пшеничная челка на лбу, дальше все смазано, и только ниже проступают сочные красные губы. Плохо пропеченный блин смотрелся бы рядом не хуже. Возможно, когда лицо выглядывало из дорогих костюмов с подставными наплечниками, оно становилось более значительным.

Закурив, мужчина в джинсах продолжал следить, как непринужденно пердящий герой нового времени важно плывет по своим двенадцати соткам, сопровождаемый свитой из зеленого боксера, щетинистого баскетболиста и примкнувшего к ним пса. Отбросив редковатую челку с глаз, он остановился посреди участка и принялся водить руками, что-то поясняя охранникам, дружно кивавшим, как китайские болванчики. Вернее, болваны – с такими здоровяками уменьшительные суффиксы как-то не вязались.

Наверняка посреди владений планировался обязательный плавательный бассейн. На теннисный корт общая площадь размахнуться не позволяла, да и социальный статус соседа. Вот нагребет бабок побольше, выкупит еще несколько участков, тогда другое дело.

Словно прочитав чужие мысли, блондин в расписной гавайской рубашке-распашонке и бермудских шортах повернулся и принялся обозревать смежную территорию, на которой одиноко возлежал в продавленном шезлонге мужчина в линялых джинсах. Требовательно ткнул в этом направлении пальцем. Мол, покупаю. Боксер занервничал. Вероятно, ему не хотелось, чтобы хозяйские денежки достались недавнему обидчику. Он тоже стал жестикулировать, увлекая внимание шефа в противоположном направлении.

Там, полуприкрытый зеленью, виднелся тот самый домик, в окне которого на рассвете мелькнула благодарная зрительница случайной потасовки. Мужчина невольно скользнул взглядом по обращенным к нему окнам второго этажа, и ему показалось, что за одним из них произошло неуловимое движение. Не знакомых друг с другом мужчину и женщину разделяли лишь десятки метров чужой территории. Мужчина отвел глаза от дальних окон и невесело усмехнулся. Странное дело, но от этой улыбки его лицо стало еще более угрюмым и замкнутым.

Что за глупости лезут в голову на одуряющем солнцепеке! От симпатичной незнакомки его отделяло многое, слишком многое, чтобы это расстояние можно было выразить в метрах или годах. Ведь между ним и всем остальным миром стояла невидимая, но непреодолимая стена.

Мужчина надеялся, что рабочие скоро возведут настоящую кирпичную ограду, которая избавит его от вида соседского поместья. Но еще больше ему хотелось остаться одному на целом свете.

Так всегда случалось с ним, когда он вдруг оказывался вне привычной игры. И в такие дни вся дальнейшая жизнь представлялась ему аутом, полным аутом.

* * *

Считалось, что майор ФСБ Громов прибыл в родной город отдохнуть, но на самом деле это было что-то вроде ссылки. Не имея права покидать пределы Курганска до особого распоряжения, он был вынужден ждать, какое решение будет принято относительно него наверху. «Наслаждайтесь покоем и ни о чем не думайте, – посоветовали ему, выпроваживая из Москвы. – Сейчас для вас главное – полностью восстановить физическое и психическое здоровье». Звучало напутствие заботливо, да только на деле Громов понятия не имел, чем закончится его десятидневный отпуск. Благополучным возвращением в подразделение экстренного реагирования ГУ ФСБ РСФСР? Прохождением специального курса лечения? Переводом в разряд кабинетных работников? Отставкой? Или чем-нибудь похуже?

Последнее было очень даже вероятно. Так уж заведено, что люди, допущенные к важным государственным тайнам, помирают значительно раньше, чем эти тайны переходят в разряд подлежащих разглашению. Естественной смертью, разумеется. Хоть бы один из отставников утонул по пьянке или в автокатастрофе погиб. Нет, у всех сплошные инсульты с инфарктами. А когда знаешь, сколько коварных препаратов находится на вооружении спецслужб, невольно задумываешься, почему так много здоровых тренированных мужиков умирают в расцвете сил от нарушений кровообращения.

Что касается Громова, то он в свои сорок с небольшим лет находился в счастливом неведении по поводу собственной анатомии. За печень хватался лишь в тех случаях, когда ей доставалось от чьего-нибудь крепкого кулака, простудой маялся значительно реже, чем пулевыми ранениями, а что касается сердца, то ощущал его исключительно после хорошей физической нагрузки. Впрочем, медиков из комиссии, перед которой он предстал несколько дней назад,

меньше всего интересовало его физическое здоровье. Психика Громова – вот на чем заиклись все эти ученые мужи.

Его мытарства начались после ликвидации непосредственного начальника, полковника Власова, командующего подразделением ЭР. Сам президент озабочился состоянием героя недавних событий. Лично.

Дело, конечно, громким оказалось – до сих пор отголоски катились по всем средствам массовой информации. Мог получиться международный скандал, а вышла мировая сенсация.

Месяц назад Громов вышел на преступную организацию, во главе которой стояли высокопоставленные военные, правительственные и кагэбэшные чины. Все они принадлежали к так называемому Тайному Обществу «Ичкерия», ТОИ. Чеченский госаппарат давно превратился лишь в один из филиалов Общества, но этого вчерашним полевым командирам было уже мало. Ограничиваясь у себя на родине малозначительными вылазками и боями местного значения, они перенесли направление главного удара на Москву.

В кратчайшие сроки на этом невидимом фронте было одержано столько решающих побед, что поражения на настоящей войне перестали иметь какое-либо значение. ТОИ не просто скупил на корню десяток-другой видных российских политиков, влиятельных чиновников, телемагнатов и банкиров. Теперь для того, чтобы остановить созданную Обществом машину, пришлось бы сначала хорошенько пошуровать во всех институтах федеральной власти и прочистить звенья силовых структур. Мог бы, кстати, заняться этим по долгу службы и Власов, начальник Громова. Но полковник сам оказался замешанным в темные махинации Общества.

Короче говоря, колоссальный механизм ТОИ был запущен на всю катушку. Он был отлажен, смазан финансовыми вливаниями и функционировал безотказно. Противодействовать ему можно было лишь одним безрассудным способом – сунуться в него собственной персоной и слушать, как хрустят твои косточки, перемалываемые беспощадными шестернями.

Громов так и поступил, но оказался слишком твердым орешком. Вместо того чтобы сгнуться без следа, он уцелел и наделал такого шороха, что на самых верхах запахло жареным. Беда его состояла в том, что никакого официального приказа на проведение операции у него не было – он действовал на свой страх и риск. И когда начался подсчет трупов, наверху за головы схватились. С одной стороны, ликвидация верхушки ТОИ подтверждала крутость политического курса, взятого президентом. Терроризм и коррупция не пройдут!

Но при этом пришлось бы признать, что правительство абсолютно не контролирует действие собственных силовых структур. Изучив выжимки из материалов дела, президент, морщась, произнес: «Специалисты в *нашем* ведомстве, конечно, опытные подобрались, но... Не слишком ли много трупов наворочено? Этот ваш... э-э, Громов, он нормален?»

Вот и все. Ни рекомендаций, ни пожеланий. Но в президентской команде есть кому ловить на лету мимолетные реплики первого лица государства. Ловить, трактовать по-своему и придавать им вид распоряжений.

И был звонок, и был приказ пройти обследование в спецклинике ФСБ, и несколько дней кряду Громова тестировали, изучали, выворачивали душу наизнанку, тянули ему жилы, чуть ли не ланцетами ковырялись в его подсознании. Результатов анализов набралось столько, что до вынесения окончательного приговора спровадили Громова на родину. Таким образом, вместо заслуженного повышения в звании или ордена получил он десятидневный отпуск с перспективой на инфаркт миокарда.

В настроении, весьма далеком от радужного, сел он в машину, а на следующий день переступил через порог своей квартиры, где не появлялся вот уже почти год. Как оказалось, здесь его не ждали. Жена, дочь Ленка и крохотуля Анечка сидели на чемоданах – собрались на открытие бархатного сезона на Черноморском побережье. Еще бы ладно, если просто сидели. А то ведь воротили лица, давая понять, что знать больше не желают блудного отца и мужа.

Перед отъездом в аэропорт супруга высказалась от имени оскорбленной общественности примерно так:

«Вы теперь в столицах обретаетесь, Олег Николаевич? Вот и продолжайте в том же духе. За денежные переводы, конечно, благодарствуем, хотя с вашей стороны было бы просто свинством оставить семью свою без средств к существованию. В общем, мы теперь сами по себе, а вы – сбоку припека. Живите как знаете, а уж мы без вас не пропадем, не сомневайтесь».

На прощание были еще шипящие намеки начет молодых и длинноногих, с которыми якобы путался в Москве Громов, но тут супруга оперировала домыслами, а не фактами. Если честно, то предположения ее безосновательными назвать было нельзя, но что тут поделаешь, если молодых и длинноногих в мире пока не отменили. Существуют они, и никуда от них не деться. Как и от того, что жены теряют с годами прежнюю привлекательность, при этом не приобретая ничего.

Свое мнение Громов, правда, благоразумно попридержал при себе. Послonyaвшись немного по комнатам, он понял, что после затворничества в четырех стенах точно превратится в психа-одиночку.

На следующий день, загрузив «семерку» цвета белой ночи провизией, сигаретами, пивом и книгами, он отбыл за город. Когда над головой – небо, а вокруг – безраздельный простор, одиночество не тяготит, а исцеляет. В городе ты чувствуешь себя неприкаянным среди людских толп, а на природе остаешься один на один с рассветами и закатами.

Давно уже он не бывал на даче. Жена и дочь предпочитали ставку море, труд на свежем воздухе за отдых не считали. Так что дом простоял запертым года два, если не больше. Все буйно заросло бурьяном и травой, кругом царило полное запустение. Но это было как раз то, что требовалось Громову. Ему и самому захотелось вдруг побыть таким же заброшенным и неухоженным. Никому ничем не обязанным. Строгать, когда вздумается, доски – просто так, потому что аромат сосновых стружек создает ощущение маленького праздника; прихлебывать горькое пенистое пиво; печь картошку в камине; читать длинные романы. Если вдруг наскучит перебирать движок безотказной «семерки», то можно, насвистывая, чистить «смит-вессон», нигде не зарегистрированный и потому особенно родной и близкий.

Когда в голову лезут особенно мрачные мысли о будущем, ты откидываешь барабан револьвера и убеждаешься, что все его каморы заняты патронами. Рано или поздно курок будет взведен, оружие поставлено на боевой взвод. Никому не дано знать, что произойдет в следующее мгновение. Так что, наслаждаясь покоем, будь готов устремиться в неизвестность, как выпущенная из ствола пуля.

Чем занять себя до этих пор? А просто жить. Пока это занятие не надоест до смерти.

Глава 6

Хозяин-барин и его челядь

Отправив охранников прибирать в доме после вчерашней попойки, Макс Мамотин еще разок прошвырнулся по своему наделу, дабы направить трудовой процесс в нужное русло. Неодобрительно понаблюдав, как один из работяг возится с кучей раствора, он покачал головой:

– Ты!.. Как тебя там?... Ванька?... Кончай сачковать, Ванька. Лопата у тебя маленькая. А замес нужно производить нормальной, совковой...

– Так я это... – тоскливо возразил работяга. – Иначе привыкший.

– Звездеть ты не по делу привыкший, Ванька. Отойди-ка. Вот, смотри и учись, пока дядя Макс живой. – Он с лихим шорохом проехался лопатой по ржавому железному листу, поддел влажную серую кучу в разводах желтого песка, поднапрягся... еще сильнее поднапрягся... и сердито бросил неподатливый инструмент. – Понял?

– Оно да, конечно, – неуверенно согласился работяга, дожидаясь, когда бледный парняга с полными карманами денег и дряблыми мышцами оставит его в покое.

Ждать пришлось недолго. Брезгливо зажевав внутрь свои яркие губы, Мамотин отправился дальше – показывать и поучать. Он желал, чтобы его участок был как можно скорее обнесен неприступной кирпичной оградой. Высотой в два с половиной метра. По всему периметру. Потом дом, гараж, бассейн. Все как у людей.

Если бы Макс знал, какие планы вынашиваются наверху в отношении облюбованного им поселка, он бы не думал, что делает такое уж выгодное капиталовложение. Но он находился в счастливом неведении. И из всех живущих на земле собою Макс Мамотин был доволен в первую очередь. Оттого в каждом его поглаживании выпуклого брюшка сквозила непередаваемая любовь и нежность.

– Это кто же тебе фингал нарисовал? – полюбопытствовал он, вальяжно приблизившись к телохранителям.

– Где? – притворился удивленным Суля, безошибочно нащупав желто-зеленое пятно на левой скуле.

– И ободранный какой-то весь, пошкарябанный, – недовольно продолжал Макс. – Не ты ли френда разукрасил, Комиссарбой?

Второй мамотинский охранник, урожденный Комиссарченко, отрицательно помотал щетинистой головой и выдвинул собственное предположение:

– Он отливать, наверное, ночью ходил. Или проблеваться. Или жидкая срачка на него напала. Вот и хрястнулся мордой в темноте.

На большее фантазии у Комиссара не хватило. Лично он часть вчерашней ночи посвятил именно этим проблемам. Всем сразу. Одновременно. Совсем измучился, стоя на четвереньках и спеша то наклониться вперед, то вовремя осесть в исходную позицию.

Суля версию напарника оспаривать не стал, а просто задрал голову и принялся внимательно разглядывать редкие белые мазки облачков на небе. Не мог же он пожаловаться шефу, что его с утра пораньше отметелил мимоходом какой-то хмырь в задрипанных джинсах!

– Ну-ну, – хмыкнул Макс, понаблюдав за телохранителем. – Ладно, понедельник – день тяжелый, согласен. Но сегодня – чтобы ни в одном глазу! – Он сжал руку в кулак и поднял ее повыше, чтобы обоим телохранителям было хорошо видно. – Я сейчас хэв май брэкфест и гоу ту зе офис. Рабочая неделя начинается. Вы – на хозяйстве. Пролетариев погоняйте, и вообще! И чтобы джип к моему возвращению блестел как новенький! Я ради такого счастья в город своим ходом доберусь.

Красноречивые взгляды Сули и Комиссара говорили о том, что они тоже хотят в город, очень. Да только Макс не собирался пускать строительство на самотек.

– Держите мани-мани, – задушевно сказал он, извлекая из кармана шортов пригоршню смятых купюр, которые должны были подсластить охранникам пилюлю. – Это зарплата за прошлую неделю... а вот этого вам с Рокки хватит на продукты, с кирпичом и щебенкой... Считайте.

У Комиссара от напряжения весь лоб подернулся рябью. Камни грызть ему еще не доводилось.

– Зачем продукты с кирпичом и щебенкой, шеф?

– Ну не жрать же их вперемешку, – жизнерадостно загоготал Макс. – Еда отдельно, стройматериалы отдельно. Глядите не перепутайте, кутузовы... – Он опять засмеялся, отчего его подпрыгивающий живот целиком вывалился из шортов.

– Кирпич, значит. – Комиссар осторожно огладил череп, явно опасаясь поранить ладонь колючками.

– И щебенка, – добавил Суля. Выражение лица у него было такое, словно этот самый щебень насыпали в мешок, а мешком тем зарядили ему по затылку.

Настроение у Макса внезапно начало портиться.

– Щебенка и кирпичи, йес, – раздраженно подтвердил он. – Организуете по паре самосвалов, пока меня не будет.

– Где мы самосвалы возьмем, шеф? – В глазах охранников поселилась озабоченность непосильной задачей, поставленной перед ними.

– Где-где!... – Макс кивнул на рабочих. – Народ поспрашивайте... На шоссе поголосуйте... Короче, меня это не колышет. Вернусь в конце недели – проверю. Так что бдите.

Отбросив с глаз жидковатую челку, Макс поволок шаркающие шлепанцы в направлении дома. У него всегда немного поднималось настроение, когда его удавалось подпортить окружающим.

* * *

– Темнит, гнида, – обиженно буркнул Комиссар, провожая шефа угрюмым взглядом. – И еще намекает: вы, мол, бздите тут... Сам бздит так, что не продохнуть!

– Хряк, он и есть хряк, – философски заметил Суля, быстрыми, точными движениями пересчитывающий деньги. – Оставил на пару раз выпить-закусить, жмот. А ему еще кирпич и щебень подавай!

Комиссар беспечно махнул рукой:

– Значит, оплатим по безналу... Потом... Когда-нибудь... Может быть... Гы-ы...

Парни заржали, и молодой оптимизм попытался вернуться даже к Суле, раздосадованному результатами утреннего поединка. Но от смеха щелкнула челюсть, заставив его поморщиться.

– Ты чего? – участливо спросил товарищ. – И бланш еще этот... Конкретный, прямо скажу, бланш.

– Ковбой тут у нас под боком объявился, – указал Суля кивком на соседний дом. – Борзый.

– Здоровье у него лишнее? – недобро удивился Комиссар и пообещал уверенно: – Отдаст. Хочешь, пойдем проведаем твоего ковбоя?

– Не к спеху... Вот Хряк свалит, тогда и включим мужика этого в программу культурных развлечений.

Комиссар поскреб темя и признался:

– Телки мне больше всяких мужиков нравятся.

– Смотаемся в город, – сказал Суля, продолжая глядеть на ненавистный ему дом, – снимем какую-нибудь соску на вечерок. – Он причмокнул губами.

– С нашими финансами телок только возле вокзала искать, – невесело констатировал Комиссар. – По полтиннику за штуку.

– Чем синеглазок немых, так лучше пролетариат бесплатно трахать... Дрыном по хребтине. – Суля сплюнул. – Вот же паскуда этот Хряк! Сам оттягиваться в городе будет, а мы торчи теперь на стройке, как проклятые...

Парни никогда не испытывали к шефу того уважения, которое старательно изображали в его присутствии. Да и телохранителями их можно было назвать с большой натяжкой. В первую очередь оба являлись хранителями своих собственных молодых и здоровых тел. Хозяин мог бы ограничиться Рокки, но пес не умел приносить тапочки, а эти двое умели. И не только тапочки, но и любые другие предметы. Кроме того, смотрелись они достаточно внушительно, чтобы Мамотину в общественных местах не перечили и уступали дорогу. Живые двухметровые декорации обходились ему недешево, но за любые удовольствия приходится платить, будь то минет проститутки или холуйская улыбочка охранника.

Суля на улыбки был не очень щедр – фиксы, хоть и золотые, не слишком располагали к веселью. Были бы зубы в драке потеряны, а то...

В позднем отрочестве он задумал стать бандитом. Кличку себе придумал – Сулейман, собрал кодлу. Поначалу они только карманы алкашам чистили да у припозднившихся женщин сумочки отбирали, а потом и настоящее дело подвернулось. Завелся в округе один коммерсант, грек по национальности. Кафешку держал, пару чебуречных. К нему-то и вломились юные разбойнички в шапочках с прорезями для глаз. Он один дома был – бабы его с утра по своим бабьим делам разбежались. Наставили ребятишки на него две поджиги, один настоящий обрез и стали дознаваться, где деньги лежат. Грек сразу отдал штуку, а налетчикам показалось мало. Скрутили его проволокой, заткнули рот и приступили к пыткам. Например, утюг в ход пустили – тогда про этот способ даже анекдоты ходили. Потом ногти срывали плоскогубцами. А под конец стали убивать, потому что денег у грека больше не оказалось, а значит, и жить ему было больше незачем. Резали его ножами, найденными в кухонном шкафу, все по очереди. Плакали, блевали, но резали. На прощание дали друг другу разные страшные клятвы и разошлись по домам.

А недели через три всех трех мушкетеров вычислили. Один крендель свою долю взялся просаживать в том самом кафе, которое принадлежало недорезанному коммерсанту. Живучим он оказался, падла. Или кухонные ножи – тупыми. В общем, не повезло налетчикам. Большие сильные мужики выловили их поодиночке и привезли ночью в кафе. Двоих заживо сварили в электрическом чане на кухне, а Сулю в кипяток только по колени окунули – пожалели. Он был тогда светловолос, упитан, щеки носил румяные. Зачем такой товар портить, сказал грек, остановив жестом своих заступников, и принялся неловко расстегивать ширинку перебинтованными руками.

Товар все-таки испортили – выбили Суле передние зубы, не поверили его слезным обещаниям, что кусаться не будет. У проклятого грека оказалось много друзей и родственников, поэтому несколько суток, проведенных в подсобке кафе, запомнились Суле необычайно ярко, хотя, конечно, мемуары на эту тему он писать не собирался. Изуродованные ноги и вставные зубы тоже не давали забыть о печальном опыте.

Суля с ненавистью взглянул на раскаленное добела солнце и спросил у Комиссара:

– Пиво в холодильнике осталось?

– Последние две банки выцепил.

– Тогда водки притащи, что ли.

Комиссар рассудительно ответил:

– Пусть сначала Хряк свалит, потом и отметим его отъезд.

– Ага! – злобно буркнул Суля. – Как же! После него всегда хоть шаром покати. Он лучше гаишникам за перегар сотенную отстегнет, чем нам хоть каплю оставит.

Комиссар поскреб ошетилившуюся голову, забравшись пальцами туда, где за надбровным дугами начинался лоб, и сокрушенно вздохнул.

При своей явно уголовной наружности он рос жизнерадостным, компанейским, добрым юношей. Если и бил кого-то, то не по злобе, а из нужды. Когда сигарет или чипсов страсть как хотелось, уже почти двухметровый, но еще несовершеннолетний, подходил Комиссар к одинокому прохожему на ночном пустыре и вежливо предлагал: дядя, гони монету, а то у меня нет. Дяди не могли отказать трогательному подростку, что-нибудь да подавали. Но однажды – хлоп! Комиссар приоткрыл один глаз, а по голове опять – хлоп! И еще, еще.

Толком он тогда так ничего и не понял, кроме того, что было очень больно и обидно. Комиссар сильно изменился после злой шутки, которую сыграли с ним в темноте. Растерял сразу половину природного добродушия, разочаровался в действительности, даже в бога верить перестал.

В отличие от Сули он не с сопливыми друзьями пошел ножичками махать, а прибил к людям вполне серьезным и конкретным. От той поры, когда Комиссар злодействовал в далеком городе Ростове-на-Дону, осталась у него на память драгоценная цацка, с которой он не расставался.

Разбойничать ему в принципе нравилось, да только опасное это было занятие – сегодня ты кого-то шлепнешь, а завтра – тебя. Поэтому, поднабравшись опыта, Комиссар пошел на дело, заранее зная, что оно станет последним. Их банда долго пасла подпольного скупщика ювелирных украшений, а накануне намеченного «скока» Комиссар взял его квартиру сам, поскольку досконально знал, какие меры безопасности применяет клиент. Перед смертью ювелир, надеясь вымолить себе пощаду, отдал грабителю самую драгоценную вещь из своей коллекции. Была она исполнена в виде громадной золотой стрекозы. А история, прилагавшаяся к ней, выглядела не менее впечатляюще.

Бриллиант, зажатый в золотых стрекозиных лапках, являлся якобы осколком знаменитого алмаза Тиара, добытого в начале XX века на одном из южноафриканских рудников. Некоторое время огромный камень вынашивал в своей черной заднице некий предприимчивый зулус, но напряженная походка выдала его, и алмаз извлекли на свет божий изогнутым шомполом. Правительство Трансвааля преподнесло камень британскому королевичу Эдуарду, а тот передал его на обработку придворному ювелиру Ежи Ковальчику. Вместо того чтобы скрупулезно изучить структуру алмаза со всеми его многочисленными трещинками, горячий поляк схватился за инструмент и... расколол раритет на 3 крупных монолитных блока, 11 кусков средней величины и 109 осколочков голубоватого цвета. По словам дышащего перегаром Мишани, фамильную драгоценность украсил один из обломков злополучной Тиары. В бриллианте было 189 карат, но главная ценность камушка заключалась в его родословной.

«На Западе эта вещь стоит не менее четверти миллиона, – бубнил ювелир, пытаясь заглянуть в глаза склонившегося над ним Комиссара. – Бери и уходи, богом прошу. Я ни к ментам не побегу, ни к братве, клянусь».

Не побежал. Прежде чем придушить жертву, Комиссар немного полюбовался драгоценным украшением, ощущая приятную тяжесть на ладони. Расправленные крылья и туловище золотой стрекозы были усыпаны росинками бриллиантов вперемежку с рубиновыми розами. На жемчужной головке таинственно мерцали изумрудные глаза. Красотища! Если не четверть миллиона, то тысяч пятьдесят баксов она стоит, решил Комиссар и затянул петлю.

Больше он ничего не взял в той квартире, чтобы не залететь на продаже краденого, как это часто случается. Не попрощавшись с подельщиками, убыл из Ростова и тихонько осел в Курганске. Стрекоза всегда находилась при нем в качестве своеобразного талисмана. Сбагрить кулон за реальную стоимость Комиссар пока что не порывался, опасаясь себя обнаружить.

Украшение покоилось в его кармане, и приятно было думать о том, что (чем черт не шутит!) алмаз, зажатый в стрекозых лапках, действительно стоит четверть миллиона баксов.

Комиссар подался в охранники к богатому бизнесмену, рассчитывая завести знакомства среди коммерсантов, а может, и за бугор смотаться с шефом, чтобы там попытаться определить реальную стоимость стрекозы. На службе у Мамотина он и сошелся с Сулей.

Проработав в паре всего ничего, молодые люди очень сблизились, что было весьма странно при абсолютной несхожести их характеров. Так, Суля любил смотреть жестокую порнуху, мечтал о собственном джипе «Лендровер» и не мог уснуть без плотного ужина. Комиссар являлся его полной противоположностью – тащился исключительно от крутых боевиков, ездить желал на спортивной машине, плотный ужин чередовал с не менее плотными завтраками и обедами. Такие разные люди, а надо же – подружились.

На вышедшего из дома шефа парни посмотрели с одинаковой ненавистью, но, когда приблизились к нему, оказалось, что глаза их полны чуть ли не обожания. Да и как не любить того, кто помахивает перед носом веером зеленых купюр?

Прощание было недолгим, расставались с обоюдным облегчением. Доставив босса на «Мицубиси-Паджеро» к трассе и проводив взглядом увозившую его попутку, Суля с Комиссаром одновременно воздели ладони и изобразили эффектный хлопок – излюбленный жест братвы, на которую им нравилось походить.

Через полчаса один из работяг по их приказу ловил на шоссе самосвалы, интересуясь левым щебнем или кирпичом, а охранники завалились покемарить, готовясь к бурной ночной жизни по полной программе – жратва от пуза, пошла хоть залейся, покорная телка на двоих. Соседский ковбой проходил в списке удовольствий как бесплатное приложение.

И все затеи Сули и Комиссара казались приятными и легко осуществимыми.

Глава 7

Чужая семья – потемки

Обычно времяпровождение на даче не относилось к разряду любимых развлечений Людмилы, но теперь что-то изменилось. Появился новый стимул. Иначе зачем бы она вдруг водрузила на электроплитку тазик с водой, собираясь не только помыться, но и навести блеск на голове? И почему, раздевшись догола и обливаясь теплой водой, она улыбалась вовсе не воспоминаниям о молодом супруге, дожидавшемся ее в городе, а своим мыслям о совершенно постороннем мужчине, узкобедром, широкоплечем и ясноглазом? Блажь? Разумеется.

Обуреваемая навязчивым желанием отблагодарить незнакомца за спасение дочери, Людмила легкими касаниями бритвы довела свои ноги до почти скульптурного совершенства, взяла зеркало и занялась лицом. Она расположилась так, чтобы можно было поочередно смотреть на свое отражение и на чужой участок, расположенный сразу за обширными владениями, где обитал этот ужасный черный пес.

Дойдя до бровей, Людмила уже совершенно точно знала, что мужчина в джинсах скучает на даче совсем один. Но она не спешила. Дождалась, когда солнце опустится пониже, и лишь тогда отправилась на поиски дочери.

Эллочка, как обычно, расположилась на берегу ставка с альбомом для рисования и набором акварельных красок. Тошка, примостившийся рядом, недоверчиво поглядывал на маленькую хозяйку. Песик совершенно точно знал, что изобразить на бумаге закат невозможно, и удивлялся человеческой самонадеянности.

– Ну что, Эльчонок, – улыбнулась Людмила, потрепав дочь по волосам, – поехали домой? Руслан, наверное, нас заждался.

– Перебьется без нас твой дядя Русик! – заявила девочка, старательно отмывая кисточку от оранжевой краски. Своего настоящего отца она не помнила, но была твердо убеждена в том, что новый мамин избранник и ногтя его не стоит. Слишком молодой, слишком глупый, чтобы называть его папой или хотя бы полным именем. Русик, он и есть Русик.

Людмила слегка нахмурилась.

– Мне завтра на работу. Должна же я привести себя в порядок, прежде чем выходить в эфир?

Она работала на местной телестудии не только режиссером, но и ведущей, и ей не нравилось, когда приходилось кому-нибудь напоминать об этом.

– Ты же на себя целую кадку воды извела! – резонно заметила Эллочка, окуная кисточку в малиновую краску. – Я уже не говорю о косметике.

– Правильно, что не говоришь. Это тебя абсолютно не касается.

Тошка, встревоженный нехорошими нотками, зазвучавшими в хозяйских голосах, заюлил и попытался лизнуть Людмилу в колено, но она отпихнула его ногой. Эллочка, обидевшись за пудельку, присела, обняла его и заявила:

– Ты поезжай, а я остаюсь. С Тошкой.

– Не выдумывай! – прикрикнула на дочь Людмила. Потом, сообразив, что лучше действовать хитростью и лаской, улыбнулась так широко, словно приготовилась начать свою информационную передачу «Панорама».

– Эльчонок, я уже сыта по горло этой дачной жизнью. Мне здесь себя совершенно нечем занять.

– А ты бы брала пример с меня. Лично я грядки прополосала и полила. Малину собрала. Веточки подрезала. Кто-кто, а я не лентяйничала!

Людмила посмотрела на дочь так, словно собиралась наградить ее пинком, как Тошку, но вместо этого заискивающе хихикнула:

– Ты у меня умница. И, знаешь, в твоём рисовании наметились явные сдвиги. Вот эти тучки, наплывающие на солнце, прямо как настоящие.

– Это птицы, а не тучки, – вздохнула Эллочка и с обреченным видом принялась собираться. – Ты совершенно не умеешь подлизываться, мамочка.

«Думаю, что как раз это у меня получается лучше всего, – неожиданно подумала Людмила. – Подлизываться, обманывать и кривить душой».

Это было не самоосуждение, а констатация факта. Меняться Людмила не собиралась. Слишком уж ей нравилось рисковать, изменяя мужьям и любовникам. Некоторые люди вызывают приток адреналина в крови прыжками с парашютом, а Людмиле для ощущения восторга было достаточно спланировать в очередную постель. Да и вообще ее забавляло, что доверчивый Руслан готов сдуть с нее пылинки, не подозревая, что к его развесистой супружеской короне прибавляются все новые и новые отростки. Ими Людмила награждала мужа просто так, для полноты ощущений. Слишком бурной выдалась у нее молодость, чтобы получать наслаждение от размеренного секса на брачном ложе.

Вот и теперь ее преисполняло предвкушение чего-то новенького, остренького. Потому что перед ее глазами до сих пор стояли узкие бедра утреннего незнакомца, обтянутые линиями джинсами.

– О чем ты все время думаешь? – недовольно поинтересовалась Эллочка, когда они двинулись в направлении дома.

– Я? – Глаза Людмилы преувеличенно округлились.

– Ты, ты, – подтвердила дочь, подозрительно хмурясь.

– Сценарий передачи, – нашла она. – К завтрашнему утру он должен быть готов, а у меня пока только наброски.

– Ты хуже Тошки, – строго сказала Эллочка. – Он и то успевает делать все вовремя!

Пуделек, слышав свое имя, благодарно тявкнул и заметался между хозяйскими ногами, давая понять, что теперь их поведение его устраивает целиком и полностью. «Вам хорошо? Значит, и мне тоже!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.